

I 779232

НИКОЛАЙ
КУЧМИДА

**ВЫПАДЕТ
СЧЕТ**

РАССКАЗЫ
И ПОВЕСТЬ

НИКОЛАЙ КУЧМИДА

●
**ВЫПАДЕТ
СНЕТ**
●

РАССКАЗЫ
И ПОВЕСТЬ

779232

**ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина**

СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1974

Рс

+ КД

Николай Кучмида — прозаик лирического склада. Манера его письма построена на полутонах. Сюжеты просты, иногда только намечены. Предпочтение отдается внутреннему состоянию героев, их настроению.

Н. Кучмида родился в 1942 году в деревне Шайма Череповецкого района Вологодской области. Учился в суворовском училище, плавал матросом в северных морях, служил рядовым в пехоте, работал электромонтером на Череповецком металлургическом заводе. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького.

«Выпадет снег» — вторая книга молодого писателя. Первая — «Всего хорошего» — вышла в 1969 году в Москве, в библиотечке журнала «Советский воин». Рассказы Николая Кучмиды печатались в журналах «Север», «Юность», «Аврора».

7—3—2

18—74

РАССКАЗЫ

РОДИНА

РОДИНА Гены — деревня Костяевка. Добирался он до нее так.

Сначала автобусом до тридцатого километра. Бетонка — прямая и светлая — шла дальше, и автобус катил дальше, уменьшаясь и уменьшаясь, а Гена, подхватив поудобней сумку, сворачивал влево.

Узкая проселочная дорога уходила в глубь леса. Стоило пройти по ней с полкилометра, и шум оставшейся за спиной автострады стихал. Гена незаметно оказывался приобщенным к серьезной, таинственной тишине. Шумели сосны, поскрипывал под ногами песок, где-то плотничал дятел.

Дорога между тем отлого спускалась в низину. Лес редел, расступался. К реке вела широкая песчаная отмель.

Подойдя к воде, Гена кричал: «Эй!.. Петрович!..»

Из сторожки на той стороне выходил перевозчик Петрович. Если он спал, выглядывала его жена Семеновна.

Петрович неторопливо отвязывал цепь, садился за весла. Одет он, если это осень, в шапку-ушанку с кожаным, давно отблестевшим верхом и серенькую фуфайку с оторванным хлястиком.

Лодка потихонечку-помаленечку выходила на середину реки, приближалась к Гене, мягко тыкалась носом в песок.

В войну, на фронте, Петрович получил контузию в голову. Долго лечился. Потом его выписали и устроили в мастерскую гнуть скрепки. Но Семеновна разыскала его и увезла снова в Костяевку.

Всматриваясь в заросшее темной щетиной лицо с глазами, как голубые окошечки, Гена ласково говорил: «Здравствуй, Петрович». Забирался в лодку, отталкивался шестом от берега. Лодка разворачивалась, брала курс на сторожку. Гена, закурив, спрашивал: «Как жизнь, Петрович? Что новенького в Костяевке?» Петрович, хмыкнув, пожимал плечами.

Потихонечку-помаленечку греб он к одинокой сторожке. Казалось, лодка не двигалась, а стояла на месте. Гене хотелось поменяться местами с Петровичем, но он знал, что весел тот не отдаст никому.

...Негромко шаркнув, лодка входила в песок. Петрович складывал весла, вылезал, гремел цепью, накручивал ее вокруг пня.

Гена расплачивался. Петрович опускал монету в карман, скрывался в сторожке. Оттуда выходила Семеновна, следившая за прибывшим из маленького оконца. Здоровалась, удивлялась, охала, радовалась за Генкину мать и долго смотрела в след гостю не из-под руки, как обычно глядят женщины, а по-своему, приложив ладони к вискам.

А Гена шел полем по тропке. Дул ветер, и поле с устремленными в одну сторону метелками ковыля казалось скользким, летящим. Перейдя это улетающее из-под ног поле, Гена входил в еловый лесок, сквозь который проглядывали колодезные журавли, чья-то банька, телега без лошади с лежавшими на земле оглоблями.

Выйдя из ельника, пахнущего ранней осенью чисто и горько, Гена оказывался дома, в Костяевке, в серенькой деревушке дворов на двадцать: десять справа и десять слева.

Навстречу ему неся лающий светло-рыжий комок. Когда под рукой оказывалась конфетка, Гена доставал ее, и Шарик с интересом смотрел, как разворачивается фантик.

В ожидании черные глаза собаки влажнели. Гена высоко поднимал руку. Шарик, запрокинув острую морду, проглатывал слюну, отрывал передние лапы и, гавкнув, прыгал.

Проглотив карамельку и вильнув светло-рыжим колечком, Шарик снова смотрел на Генку, но конфет больше не было, и они расставались. Шарик бежал в ельник, а Гена шел дальше по тихой, безлюдной деревне.

Перед каждым домом в Костяевке растет черемуха или рябина, а под ними стоят скамейки. Гена любил посидеть вечером на такой скамье под окнами своего дома. Посидеть, покурить, подумать о жизни...

В деревне тихо-тихо, темно-темно. И Гена грустит на скамейке, вкопанной его пропавшим без вести отцом, когда все в Костяевке были живы-здоровы, когда мать была молодой, а он — маленьким.

— Ге-ня... — тихо звала из окна мать.

— Чё? — отзывался Гена.

— Ты тут?..

— Тут.

— Спать-то будешь?..

— Выплюсь.

— Ну сиди... А я спать лягу.

Укладываясь, мать ворочалась в беспокойстве за одиноко сидевшего сына, вставала, подходила к окну.

— Ге-ня...

— Ну чё? — буркал Гена.

— Молоко-то в банке в ведре с водой. Не окувырни...

— Ладно.

— Шел бы спать-то...

— Сейчас.

Мать засыпала, а Гена сидел и сидел в темноте под черемухой, думая об отце, о ребятах, с которыми жил в городе, в общежитии шоферов, о своем разболтанном самосвале, о девушке, которую он крепко запомнил стоящей с несмело поднятой рукой на обочине. В другой ее руке был портфель.

Девушка просила подвезти ее в город, она была учительницей ботаники и несла в портфеле альбом с засохшими стебельками растений — так ему подумалось, когда он проскочил мимо на самосвале. Гена мчался не в город, а на БРЗ, но девушка, наверное, обиделась на него. А зря...

И вот о чем еще думал Гена: о том, что тут, в Костяевке, он каждый раз сознавал, как повзрослел, что ли, а может, устал за то время, пока отсутствовал. В этом чувстве было всего по капельке: томительное ожидание чего-то неизвестного, пережитые разочарования, желание снова увидеть ту девушку — и остановиться.

...Много капелек тихо стекалось в это грустное спокойное чувство. Пройдет час-другой — оно отстоится и посветлеет. И Гена легко вздохнет: как хорошо, что он дома.

БЕДНАЯ ЛИЗА

*Ах, я люблю те предметы,
которые трогают мое сердце...*

Н. М. Карамзин

НО ВЕЧЕРАМ, когда от пристани до затонувшего солнца вытягивалась желтая пустая аллея, из-за поворота, гудя сильно и молодо, выплывал теплоход.

Белый, огромный, с музыкой теплоход для села был маленьким праздником. Вся молодежь собиралась

на пристани, зеленом дебаркадере-поплавке. Ребята в резиновых сапогах с широко вывернутыми голенищами и в кепочках, натянутых по брови, смешили девушек разными нескладухами, и девушки прыскали со смеху, приговаривая: «Ой, дурак!..»

Теплоход вплотную подходил к пристани, толкал ее, старенькую, своей крепкой скулой. Пристань вздрагивала. Смех затихал.

Самые отчаянные без трапа залезали на теплоход, кричали девчонкам: «Привет родителям!» и бежали в буфет за пивом и сигаретами.

Играла музыка; шумела, пенясь, вода. Язычница Онисья, прозванная так за то, что ругалась наравне с мужиками, выволакивала со скрежетом трап; ей помогали приставить его к высокому борту, и все смотрели на командированных или просто приезжих. Только кто-нибудь начинал спускаться, его разглядывали столовы до ног, прикидывая, кто он, почто приехал. Если трап оставался пустым, чувствовали себя обманутыми.

Последними сбегали свои местные: раздавали кому пиво, кому сигареты. Онисья стаскивала, ругаясь, сходни, отталкивала их в сторону.

Высоко вверху капитан в строгом кителе и белой фуражке притягивал рукоятку гудка. Все испуганно вздрагивали.

Теплоход отходил боком. Оставшиеся на пристани глядели на отодвигающийся от них белый-белый борт, думая о том вечере, когда сами поднимутся вверх по трапу и отчаят от родной пристани.

Уходя дальше, теплоход приближался к желтой водяной дорожке. Та начинала покачиваться, извиваться. Теплоход рвал ее — она вся морщилась, разламывалась, и волны долго раскидывали по реке ее оранжевые обломки. А когда вода успокаивалась, вместо дорожки краснела узенькая тропинка, обрывавшаяся на половине пути к закату.

Праздник кончился. Занавеску можно задернуть. Так Лиза и сделала. Она жила в каюте на дебаркадере. Из единственного окна был виден пяточок пристани, где собирались ребята, но они ушли. Смотреть на пустое место с брошенными сходимыми было неинтересно.

Задернув занавеску, Лиза включила свет. Кровать, столик, стул — вот и все, что было в каюте, а попросту в маленькой чистой комнатке. Она очень нравилась Лизе Манеевой, семнадцатилетней практикантке облкультпросветучилища. Все кругом нравилось Лизе: и река, и пристань, и село, вытянувшееся вдоль дороги. А главное то, что практика была первой.

Хора в селе до приезда Лизы не существовало, но он будет. Создаст его она — Лиза Манеева. И назовет, например, так — «Зори Севера».

...Зря она свет включила: сейчас комары налетят, а может, и мотылек, и будет всю ночь биться по стенам. Лиза потушила свет и, не запирая каюту, вышла на воздух.

От пристани к низкому песчаному берегу тянулся длинный трап. Лизе хотелось сойти медленно, но упругий трап так закачался, что ей пришлось почти бежать, высоко поднимая ноги.

Выйдя на улицу, она неторопливо пошла по мосткам, казавшимся ночью при лунном свете голубоватыми. Она вдыхала влажный запах песка, внимательно вслушивалась в ночные звуки, незаметные днем: в тихий шорох воды, набегающей на берег, легкое поскрипывание калиток.

Мостки привели прямо к воде. В неподвижной реке лежала большая расплывшаяся луна. Оказаться бы рядом с ней и потрогать... Купальник, жалко, остался в каюте. Но пусть, она же одна. И Лиза нерешительно расстегнула первую пуговку.

В этом месте, в стороне от села, никто не купался, тем более ночью, и все же, раздевшись, она настороженно огляделась. Кругом было темно, тихо. Лиза выпрямилась.

Ей стало радостно и жутковато. Напряженно улыбаясь, она вошла в реку. Вода была теплой, дно — чистым, в мелких песчаных ребрах.

Когда вода стала по грудь, Лиза резко присела на дно, а вынырнув, легла на спину. Посмотрев, где качалась луна, она поплыла туда, глядя в черное звездное поле. Она поднимала руки — вода стекала с них черными каплями. Как хорошо плыть без купальника, плыть ночью, одной. Это так страшно, и все-таки плыть!

Но где же луна?.. До нее было еще далеко. Лиза поплыла теперь по-собачьи — и вдруг испугалась холодной глубины и безлюдья. Бешено колотя ногами, выбиваясь из сил, она повернула назад. У берега успокоилась. Плавать расхотелось.

Съежась, она вышла из воды и, немного обсохнув, накинула сарафанчик и куртку. Сорвав по пути какой-то цветок, вернулась на пристань.

* * *

К утру погода испортилась. Потянуло холодом. Вода потемнела, сделалась шершавой, как вскопанная гряды. Лиза сбежала босиком по трапу, осторожно ступила на мостик, где женщины полоскали белье, умылась. Затем, выпив утреннего молока, — Онисья подкармливала ее, — она прошла в клуб.

В клубе тоже было холодно. Летом не топили, а щелей хоть отбавляй. Хорошо, что сегодня пятница: заведующий клубом отпустит Лизу пораньше. Вечером — только кино, репетиции нет. Она будет завтра, когда из города на теплоходе придет Саша. То есть репетиция состоится и без него, но лучше бы он приехал.

Трудно проводить репетицию без солиста...

Взяв пачку нот, Лиза устроилась в последнем ряду пустого зрительного зала с затемненными окнами. Впереди, отсвечивая спинками, тянулись к невысокой сцене ряды кресел. Если наклонить голову набок, зал становился похожим на дно реки в твердых песчаных ребрах.

Сцена была занавешена. В первый раз Лиза увидела Сашу тут, на сцене. Он стоял в белой рубашке на фоне этого темно-синего занавеса и смотрел на Лизу, подхлывшую по проходу, чтобы спросить, какой кружок он ведет.

Он ответил, что никакого кружка он не ведет, он плотник, учился в СПТУ. Саша легко спрыгнул со сцены.

Лиза посмотрела на его руки. Наверное, потому, что руки у плотников должны быть крепкими и большими. У Саши руки были обыкновенные мальчишеские; на правой, на безымянном пальце, красовалось колечко с зеленым стеклышком.

Лиза иронически усмехнулась — так усмехалась одна девчонка со второго курса, на которую Лизе хотелось быть похожей.

— Подарили?

— Да.— Саша смотрел ей прямо в глаза.— Чувиха дала поносить.

Лиза, покраснев, отвернулась.

— А тебя как звать?

— Лиза.

— «Бедная Лиза» — это не про тебя?

— Про меня.— И Лиза тоже посмотрела ему в глаза.— Читал?

— Мне про это читать еще рано.

— Да, рановато.

Саша смерил ее взглядом и с таким интересом уставился на ноги, что Лизу это забеспокоило.

— А сказали,— Саша поднял глаза,— что у тебя ноги кривые.

Лиза быстро осмотрела свои ноги: прямые, стройные. Многие девчонки могли бы ей позавидовать. Она взглянула на Сашу: слепой, что ли... Он насмешливо улыбался. Помедлив, сказал:

— Спутали с кем-то, наверно...

Таких смелых глаз ни у кого из мальчишек Лиза еще не видела. Смотреть в них, не отрываясь, как стоять на песке раздетой.

...Лиза даже замотала головой, чтобы прогнать стоявшее перед ней лицо Саши. Прогнав, снова уткнулась в ноты.

У него два отгула, вот он и в городе. Там живет девушка, может быть, в сто раз красивее Лизы, та девушка, которая дала поносить ему свое простенькое колечко. Скорей бы кончалась практика... Лиза представила: она вернулась в училище, начались занятия. Ее вызывают к директору, строгой женщине с длинной косой, уложенной, как корона. «Ты же комсомолка, Лиза! Училище надеется на вас... А вы? Ты не разучила с хором ни одной песни. Мне за тебя стыдно!»

Представив это, Лизе самой стало стыдно. Никаких Саш, никаких «Зорь Севера»! Причем тут Север, какие тут Зори? Пусть будет просто хороший хор на два голоса. Завтра — первая репетиция.

Но какой же хор без солиста...

* * *

Стемнело. Поднялась волна, пристань покачивало. Лиза слышала из каюты, что на пятачке дебаркадера уже собираются. Кто-то играл на баяне, ругалась по привычке Онисья.

Раздался сильный гудок. Лиза отдернула занавеску. Пристань качнулась, заскрежетали сходни. По тра-

пу в новой модной куртке, весело улыбаясь, спускался Саша.

— Сань-ка!..—обрадованно закричали на пристани.

— Чё?— еще шире улыбнулся Саша.

— А ничё.

Все кругом засмеялись, и Саша тоже.

Глядя на него, Лиза невольно заулыбалась. Выбежать бы из каюты, чтобы он увидел ее. В новом платье. Она простояла в нем до самого теплохода: боялась забыть. Выбежать бы, увидеть близко его лицо, побыть рядом. А кольцо?..

Лиза придвинулась к стеклу так близко, что удари-лась лбом. Кольцо было на месте, и улыбка сошла с ее губ. Лиза отвернулась от окна. Нет, не выйдет она из каюты, и никто не увидит ее в новом платье.

Теплоход отошел. Ребята и девушки, стуча по трапу ногами, повалили гурьбой за Санькой. Он что-то рассказывал, а они громко смеялись. Потом голоса и шаги удалились, пристань опустела. Кругом снова было тихо, лишь плескалась, ударяя о дебаркадер, вода.

Вот и все. Лиза сняла платье, свернула, засунула в чемодан. Он приехал на репетицию, он хорошо поступил, хотя мог бы и не приезжать: что такое — первая репетиция...

Лиза переделалась в старое удобное платье, надела куртку, застегнулась на все пуговицы, подняла воротник. Да, у Саши хороший голос, ему нужно петь, нужно учиться. Лиза может поговорить о нем хоть с директором своего училища. Одаренным людям надо помогать, вот она и поможет Саше. А остальное ее не касается. Да, все остальное ее не касается. Каждый любит кого любит.

Лиза занавесила окно и вышла. Вечер был ветренный, сырой. Трап намок, дорога почернела. Ветер смахивал дождевики с листьев деревьев, дождевики летели прямо в лицо. Пусть летят, она и вправду бедная...

Дойдя до конца улицы, Лиза вернулась. Теперь ветер дул в спину. Холодно было, грустно и холодно. Не так холодно, как грустно и одиноко.

...На берегу у начала трапа кто-то стоял. Лиза поздно остановилась: ее, конечно, заметили. Увидев, что она струсилась, тот, у трапа, запел:

По деревне идитё,
Играетё и поетё,
А мое сердце раздражаетё
И спать не даетё.

Лиза медленно приближалась к трапу. Сердце билось, как ночью, когда она входила в реку.

— Я приехал,— сказал Саша.

— С приездом...— ответила Лиза.— С девушкой по-видался?

— С какой?

— С этой.— Она кивнула на его руку с блестящим колечком.

Саша повернул руку к свету, оценивающе рассматривая вспыхнувшее зеленое стеклышко. Потом, покрутив, снял кольцо с пальца, протянул ей.

— На. Сам делал.

Словно листик, чуть высунувшийся из почки, лежал на Сашиной ладони, которая казалась теперь Лизе широкой и крепкой, как у настоящего плотника. И странно, колечко теперь тоже нравилось ей. Она взяла его и примерила на свой палец — на один, на другой, на третий. Колечко ни на одном не держалось. Она с сожалением вернула его Саше.

— Убавлю и принесу,— сказал он.— Наденешь?

— И буду твоей чувихой?

Он широко, как тогда, спускаясь по сходням, улыбнулся.

— Да!

Лиза низко опустила голову.

— У тебя куртка новая...

— Тебе нравится?

— Нравится...

На Сашином лице проступило волнение.

— Я целоваться не умею.

— Я тоже, — шепотом ответила Лиза.

Они потянулись друг к другу, прижались щеками.

— Тебе пора спать, — прошептал Саша. — Иди.

Я еще постою здесь...

— Нет, ты тоже иди домой. Ты же целый день плыл.

— Я плыл и думал: встретишь или не встретишь?

— А я думала: встречать или не встречать?

— Теперь мы встретились.

— Да...

Они отступили друг от друга. Саша крепко стиснул ее ладошку, и они расстались.

Лежа под одеялом и слушая, как за стеной с тихим шорохом плещется вода, Лиза думала о Саше. Думать о нем, вспоминать его теплую щеку, его сухие царапавшиеся губы, мягкие волосы — было сладко и так же ново и страшно, как плыть в темноте.

Она знала, что Саша сейчас тоже думает о ней и, когда незаметно уснула, увидела себя и его плывущими к луне.

ПЕРЕСТАНЬТЕ СТУЧАТЬ!

ДО ЗАКРЫТИЯ фотографии оставалось минут десять. Людмила Петровна вымыла руки. Закурив папиросу, вышла на крыльцо ателье.

Лето было теплое, но не душное. Особенно хорошо дышалось по вечерам.

Она заметила, что на нее обращают внимание. Скорей не на нее, а на юбку. Длинную, серую, сшитую по довоенной моде. Прохожих могла удивить и белая

блузка с черной бабочкой и длинными рукавами — тоже по довоенной моде. Это был рабочий костюм Людмилы Петровны. Стоя на высоком крыльце, она подумала, что люди на тротуаре с поднятыми в ее сторону подбородками могли принять ее за учительницу каких-то давних годов, запомнившуюся по старым фильмам. Она усмехнулась.

Скрипнула дверь: на крыльцо вышел Бессонов, только что закончивший проявлять пленки. Он тоже мог заинтересовать пешеходов: небритый, в войлочных тапках, в фартуке из желтой детской клеенки.

— Опять куришь, Люда?..

— Отстань.

...Сегодня Людмила Петровна фотографировала двухлетнего мальчика с мамой. Она усадила их в кресло, и мама, оцепенев, уставилась в объектив. Людмила Петровна старалась привлечь внимание мальчика. Тот отворачивался от камеры и, выгибаясь в руках матери, рвался на улицу.

В это время пришла женщина в ярком крикливом платье, потребовала свои карточки. Людмила Петровна пересмотрела всю пачку, но нужных снимков не оказалось.

Бессонов работал в фотолаборатории, оттуда в щель пробивался красный свет. Людмила Петровна грубо стукнула. Щелкнул выключатель, дверь приоткрылась. Бессонов, сощурясь, высунул голову.

Шепотом, чтобы никто не услышал, Людмила Петровна сказала:

— Вылезай, ищи женщину в профиль!

Но снимков нигде не было. Бессонов, наверное, сгреб их в ведро вместе с обрезками и засвеченной бумагой — такое уже случалось.

Людмила Петровна вышла к женщине. Та недовольно поджала губы. Людмила Петровна сухо извинилась.

779232

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека

— Зайдите, пожалуйста, завтра. Снимки проявлены, но не высохли.

Уходя, женщина хлопнула дверью.

Людмила Петровна вернулась к ребенку. Малыш ерзал, хныкал: его раздражал яркий свет. Людмила Петровна ласково улыбнулась:

— А где би-би? Во-он би-би.

Мать неприязненно взглянула на нее:

— Ладно уж, фотографируйте.

Людмила Петровна быстро отошла от них, встала за камеру. Уменьшенное объективом лицо этой женщины показалось ей похожим на лицо той, что хлопнула дверью. Такое же озлобившееся.

Людмила Петровна скинула с головы черное покрывало, вызвала Бессонова. Сама скрылась в лаборатории. Здесь было темно. Она закурила и сидела, пока он не вернулся.

— Опять куришь, Люда?..

...Глядя без всякого выражения на лица спешивших мимо крыльца, Бессонов что-то тихонько насвистывал.

— Прости, Бессонов.

— О чем ты?..

Замок запирала Людмила Петровна. Попрощавшись с ней, Бессонов зашаркал к автобусной остановке. Людмила Петровна с работы и на работу ходила пешком. Шагала она крупно, совсем не по-женски, обходя пестрые зигзаги очередей, неожиданно возникавшие у киосков, лотков. Ее толкали. Крутились обрывки фраз. Людмила Петровна входила в привычный ритм, лицо ее суровело, отрешалось.

Дойдя до знакомого обшарпанного угла, она свернула в тихий тупик. Она жила здесь, в коммунальной квартире старого кирпичного особняка.

Ей снилось: кто-то мягко, стремительно поднимал ее вверх — и бросил. Обезумев от страха, она понеслась вниз. Ударилась о качнувшиеся пружины. Вздогнула, вскинула веки.

Стучали в дверь кулаком.

Отбросив край одеяла, она, в рубашке, босая, подбежала к двери. Крючок дергался; казалось, он вылетит сейчас из кольца. Людмила Петровна поднесла пальцы к вискам и закричала по-бабьи, что было силы:

— Перестаньте стучать!

За дверью стихло. Мужской голос потребовал:

— Надька, открой, это я.

— Здесь нет никакой Нади. Вы ошиблись.

Она не узнала свой голос, осипший от крика. За дверью чиркнули спичкой.

— Черт! Извиняюсь.

Взвизгнула пружина. Входная дверь с треском захлопнулась.

Людмила Петровна легла, подтянула к подбородку одеяло. Ее трясло. Она протянула руку к столу, где лежала пачка «Севера», спички... но почувствовала укол. Не быстрый, иголкой, а будто сквозь сердце была когда-то продета нитка, и сейчас кто-то ее потянул... Дыхание стало медленным, осторожным. «Ничего, это пройдет... Это сейчас пройдет...» — успокаивала себя Людмила Петровна.

Около часа она пролежала, не шелохнувшись. Боль уходила... Чутьочку осмелев, Людмила Петровна дотянулась до папирос, закурила.

Тонкие занавески поголубели. Комната медленно пооступила снимком на дне пластмассовой ванночки. Беловатый дым папиросы плавал под потолком, словно некто размашисто начертил букву «е» — и ушел. Люд-

мила Петровна лежала с открытыми глазами. Как глупо приходится доживать. А Бессонов зовет ее Людой...

* * *

Она была так слаба, что не могла поднять руку постучать в стенку соседям. Наконец, постучала — пришли. Она тихо сказала: «Скорую...»

В тупик, покачиваясь, въехала «Волга» с красным крестиком. Вошли санитары. Переложили ее на носилки. Шофер открыл квадратную широкую дверцу. Носилки поставили передними ручками на край металлического пола и вдвинули в машину.

Людмила Петровна пришла в себя на мягкой удобной постели. Увидев высокий потолок, легко вздохнула. На душе стало чисто, как после слез. Показалась сестра: «К вам пришли». — «Ко мне?...» — «Да». Она недоверчиво кивнула: «Пропустите...»

По коридору неторопливо зашаркали. Вошел Бессонов. Небритый, в тапках, в желтом фартуке. В одной руке было зажато несколько беленьких маргариток. В другой — черный пакет из-под бумаги 9 на 12. В пакете, догадалась она, — снимок женщины в профиль.

Она отложила пакет на край матраца, взяла маргаритки. Прижала так крепко, словно хотела вдавить их в лицо. Пакет шлепнулся на пол.

...Людмила Петровна открыла глаза, села. За стеной у соседей звенел будильник. Значит, уже семь.

Она скосила глаза вниз, куда шлепнулся черный пакет. На полу лежала пачка «Севера».

Через полчаса Людмила Петровна вышла из тупика, свернула на тротуар. Утро было холодное, чистое. Чистым был тротуар. Подпрыгивали голодные воробы. Она улыбнулась...

ВЫПАДЕТ СНЕГ

В КУЗОВЕ с брезентовым тентом холодно. Прижавшись друг к другу, мы смотрим на зимнюю, убегаящую назад дорогу. Она еще белая, нетронутая, не считая следа нашей сильной армейской машины. Кажется, дорога еще не отошла ото сна, она еще дремлет, как дремлют огромные сопки, между которыми она неторопливо петляет, как этот рассвет...

Машина останавливается. Из кузова выпрыгивают трое. Они одеты в ватные штаны и куртки, называемые спецпошивом; на ногах большие серые валенки. На правом рукаве каждого — красная повязка; в черном круге — белая «Р» — регулировщик. За ремнями у ребят — свернутые флажки: красный и желтый.

И снова побежала назад дорога, снова потянулся по ней крупный след наших протекторов. Там, вдали, остались трое наших парней с поднятыми на прощанье руками.

У нас же в кузове по-прежнему холодно и темно. Рассвет больше похож на сумерки, чем на начало дня. Не проглянет днем солнышко — рассвет так незаметно и перейдет в сумерки, а за ними придет черная поллярная ночь. Будет она морозной — примерно в полночь огромный кусок неба запылывает северным сиянием. Минувшей ночью его не было видно из-за плотного слоя облаков. Из-за них так медленно и светает.

Наш день начался «тревогой» — первым этапом больших зимних учений. Нам, первой стрелковой роте, было приказано стать ротой регулировщиков. Намного опередив основную колонну, мы первыми выехали на эту дорогу.

Следующая остановка — моя. Моя и еще двух рядовых моего отделения. Я знаками показываю это

обоим. Они кивают: мол, знаем. Один из них, Стругов Толя, служит последний год, как я. Второй — мой земляк, первогодок Лебедев, тоже Толя. Лебедев Толя. В машине останутся еще две группы. Так мы и будем на разных километрах этой длинной дороги нести службу регулировщиков. Если, конечно, ничего не изменится.

Машина останавливается. Я беру автомат, флажки и выпрыгиваю. Следом за мной прыгает первогодок. Стругов подает нам три пары лыж, палатку, печку, мешки. Из кабины вылезает командир взвода, в руках у него карта. Он отзывает меня, показывает, где стоять регулировщику, куда направлять колонну.

Нас высадили на развилке. В этом месте дорога раздваивается, колонна должна двигаться влево. К развилке тупым клином подходит лес. Огибая его, дороги резко расходятся. Все понятно.

Командир садится в кабину, машина трогается. Из кузова кто-то кричит: «Привет с Заполярья!» Это относится к Толе Лебедеву. В кузове смеются. Все знают, что Толины письма домой начинаются так: «Привет с Заполярья!» Мы на прощание поднимаем руки. Машина уже далеко.

Медлить нельзя: колонна может появиться в любую минуту. Я прикидываю, кого первым поставить на развилку, и назначаю Стругова. Он уходит от нас, разматывая на ходу оба флажка. Я знаю, с ним мы быстрее бы натянули палатку, нарубили дров, лапника, растопили печку, одним словом, оборудовали бы жилье. Но мне хочется научить всему этому своего земляка. Он в первый раз на учениях. А их много еще будет за два года, и чем скорее он научится делу, тем для него будет лучше.

— Замерз?

— Замерз, — отвечает Толя.

— Я тоже. Надевай лыжи.

Толя пробует надеть их, не снимая рукавиц. Они у нас теплые, на меху, с двумя пальцами — для большого и указательного, чтобы жать на курок. С лыжными креплениями в таких рукавицах не справиться. Толя, наконец, понимает это и расстается с ними.

Взвалив на себя все наше имущество, мы углубляемся в лес. Проходим шагов пятьдесят, осматриваемся. На еловых лапах лежат тяжелые пласты снега. Гнетущая тишина. Для житья надо бы выбрать место повеселей. И мы находим его. Полянка нравится и Толе, и мне. Каждая веточка молодых елок, вдруг обступивших нас, отделана кружевом.

Не снимая лыж, мы разметили на поляне квадрат, вытащили саперные лопатки. Вырубая в плотном снегу по большому кубу, осторожно поднимали его, относили в сторону. Лыжи пришлось снять.

Долго барахтались мы по пояс в снегу; передохнули, когда дошли до земли. Привалюсь спинами к снежной стене, не спеша перемотали портянки. В лесу стало светлей. Я напряг слух, стараясь уловить гул колонны, но кругом была тишина.

Мы вылезли из ямы, разобрали вещи. Палатку поставить и натянуть вдвоем трудно, но после второго раза, — в первый мы сильно перекосили ее, — справились и с этим. Я показал Толе, как нужно ставить печку, чтобы ее можно было раскалить докрасна, а палатка оставалась бы целой.

Прихватив ножи, пошли дальше в лес за лапником. Нарубили большую темно-зеленую кучу. Потом плотно и аккуратно, ветка к ветке, устлали лапником пол, а поверх раскатали три плащ-накидки. Дом был готов. Оставалось наколоть дров и затопить печку. Толя устал.

— Иди поменяйся со Струговым.

Гул надвигался на лес воющим комом. Мы со Струговым услышали его, когда с треском выворотили кряжистый пень. Ком приблизился, распался на рев двигателей, гусеничный лязг, скрежет. Бросив пень, я быстро надел лыжи и, несколько раз сильно оттолкнувшись палками, вылетел к развилке. Толя стоял на своем боевом посту и, как заправский регулировщик, указывал поворот. Мимо Толи шла танковая колонна, двигались гусеничные легкие, средние, тяжелые тягачи, тащили за собой минометные плиты, гаубицы с торчавшими назад стволами, мчались высокие грузовики и юркие «газики».

Белая дорога на глазах превратилась в коричневую. Следом за этой колонной двинулась колонна тягачей и машин с пехотой. Один к одному сидели в кузовах одетые в белые маскировочные халаты стрелки, химики-дозиметристы со своими приборами, радисты с выставленными удилищами антенн, затем покатали машины с красными крестами, со снаряжением, кухнями, и снова поползли, вгрызаясь гусеницами в дорогу, тягачи с выставленными наблюдателями в маскахалатах. Весь этот парад техники и «живой силы» принимал и отправлял влево рядовой Лебедев.

Лязг и скрежет гусениц, разноголосый рев двигателей вместе с уходившей колонной постепенно превращался снова в воющий ком. Чем дальше уходила колонна, тем заметнее этот ком тускнел, глохнул. Над изуродованной дорогой сходилась тишина.

Потрескивают в печурке сухие корни, которые нам со Струговым удалось отломить от вывороченного пня. За печкой сушатся наколотые дровишки. Стругов делает чай. Сначала набрал три котелка снега, поставил на печь. Когда снег растаял, слил

воду в один котелок. Она скоро закипит. Стругов достал наш сухой паек, разделил на троих. Сам, поджидая, когда закипит вода, примостился перед раскрытой печкой. Красные блики пламени освещают его задумчивое лицо. Вода закипела. Стругов снимает с котелка крышку, отливает в нее кипятку, сыплет чай. Берет банку мясных консервов, штыком вскрывает ее. Вываливает мясо в другую крышку, ставит слегка подогреть. А чай готов. Мы едим консервы, потом пьем чай. Кажется, никогда не ел ничего вкуснее.

Стоя на коленях, я надеваю ватную куртку, застегиваюсь, выползаю на мороз. Иду в темноте по узенькой, протоптанной нами тропинке. Небо очистилось от облаков, и теперь высоко в черноте рассыпались звезды. Ночь тиха. Я выхожу на дорогу, иду к развилке. Вижу Толю. Он бьет рукавицу о рукавицу, прыгает, приседает. Заслыша мои шаги, всматривается, узнает меня и снова прыгает. Ничего, сейчас отогреется. Съест паек, выпьет кружку горячего чаю и увидит: теплей и уютней нашей полутемной палатки нет на земле места.

— Как служба? — говорю я Толе.

— Идет!

— Беги в палатку.

— Ура-а!..

Толя сует мне флажки и убегает к тропинке. Я вижу, как он прыгает через кювет, скрываясь в черной стене елок.

Дорога ночью не кажется такой истерзанной и коричневой. Сейчас это просто темная, отработавшая свое дорога, уже затянута коркой льда. Дорога как дорога.

Я замечаю, что она как бы слегка качнулась; так бывает, когда из-за дальнего поворота выезжает машина с включенными фарами. Да. Оттуда, где

скрылась за сошкой колонна, выехала машина. Она приближается, высвечивая вытянутое тело дороги. Фары машины, увеличиваясь, превращаются в белые слепящие клубы. Высокая крытая машина останавливается рядом со мной. Я узнаю ее. Из кабины выходит командир нашего взвода. Я встревожен... Неужели нас снимут отсюда и перебросят на другой километр?.. Лейтенант подходит, я приветствую его по уставу.

— Как дела? — спрашивает командир.

— Все в порядке.

— Через полчаса со всем имуществом стоять на развилке.

— Есть!

Лейтенант торопливо подходит к машине, садится, хлопает дверцей. Водитель включает дальний свет, машина уезжает.

На дорогу, опоздав, выходят Стругов и Лебедев. Они, конечно, слышали, что машина остановилась, а это значит своя. Но поздно: машина уехала. Я передаю приказ. Стругов относится к этому сдержанно: он привык. Но мы не можем удержаться от смеха, когда смотрим на первогодка.

Я беру Толю с собой к палатке. Стругов остается на развилке. С ним мы быстрее бы свернули наше жилье, но мне хочется закончить сегодняшнее образование Толи.

Запоминай, салага. Сначала — печка. Мы вынесли на поляну нашу горячую печурку, вытряхнули из нее все. Печку и трубу воткнули в снег остывать. Свернули накидки. Поднатужившись, высвободили кол, на котором держалась палатка, отвязали веревки. Палатка рухнула. Мы сложили ее по швам, скрутили и завязали.

Яму закидали вырытыми кубами снега. Надев лыжи, взвалили все на плечи, пошли к дороге.

Обернулись. Оглядели свое бывшее стойбище. Ничего... Выпадет снег — развороченная нами поляна снова станет ровной и чистой.

Черная глыба неба вздрогнула. И началась безмолвная игра голубых и зеленоватых сполохов северного сияния.

Запрокинув головы, не отрываясь, смотрели мы на это зрелище, к которому невозможно привыкнуть — проживи ты на севере хоть всю жизнь. Не останавливаясь и не повторяясь, бежали по небу мелкие голубые волны. Вдруг они вытянулись по вертикали, позеленели — небо стало похожим на высокий в складках занавес. Он мгновенно исчез. И на его месте появился бледный-бледный розовый свет. Его сменили легкие голубые фонтаны, стертые сию же секунду нашествием бесноватых зеленых вспышек. Эти три цвета: розовый, голубой и зеленый играли друг с другом, то сжимаясь в комочек, то расплескиваясь в полнеба. Но вот чернота в последний раз всколыхнулась быстрой голубой пробежкой — и все погасло. А мы еще долго смотрели в безжизненный мрачный купол с белыми поддрагивающими колючками, похожий на пристрелочную мишень, всю в пробоинах.

Каким тусклым и жалким показался нам свет фар подъехавшей за нами машины. Стругов залез в темный кузов, мы с Толей подали все наше снаряжение и залезли сами. Кто-то постучал кулаком по кабине, машина тронулась.

В кузове собрался почти весь взвод. Ребята потеснились, уступая нам место. Усевшись, Лебедев Толя громко объявил:

— А мы видели северное сияние!

— Привет с Заполярья, — ответили ему.

Толе захотелось поговорить.

— И спать не хочется, правда?

Но больше никто не отозвался, хотя ребята зашевелились: чего, мол, ты, молодой, шумишь. Толя толкнул в бок кемарившего солдата:

— Ну как служба, — идет?

Тот буркнул:

— Пошел в угол.

— Но-но, — одернул его Толя, и вскоре сам загнул, уткнувшись в плечо соседа.

Кто-то курил. Я вытащил сигарету, наклонился к его огоньку.

— Привет, — тихо сказал куривший.

Я узнал его по голосу и тоже тихо ответил:

— Привет.

**Я ХОЧУ ИДТИ РЯДОМ
С ТОБОЙ**

ПОВЕСТЬ

САМАЯ длинная улица Бельска — Красноармейская. В доме номер двенадцать на втором этаже три окна, выходившие прямо на Красноармейскую, отличались по вечерам от других окон мягким голубоватым светом. Это окна Анны Дмитриевны Лыткиной, учительницы.

И на другой улице, улице Космонавтов, в доме номер семьдесят пять три окна от угла третьего этажа освещались по вечерам таким же мягким голубоватым светом. Это окна Елизаветы Васильевны, тоже учительницы, тоже начальных классов, давней и, пожалуй, единственной подруги Анны Дмитриевны Лыткиной.

Когда света в квартире Елизаветы Васильевны не было, это скорее всего означало, что она ушла к Анне Дмитриевне сыграть партию в шахматы.

Елизавета Васильевна участвовала во Всесоюзном заочном шахматном турнире, получая ежедневно, как она говорила в учительской, десятки писем от самых разных людей.

Анна Дмитриевна не участвовала в турнире и шахматисткой была не слишком серьезной — так отзывалась о ней Елизавета Васильевна в той же учительской. Но тем не менее, она охотно проводила вечера за шахматной доской со своей подругой.

...Партия подходила к концу. Елизавете Васильевне оставалось сделать два хода, чтобы поставить Анне Дмитриевне мат. И вдруг — звонок в дверь. Анна

Дмитриевна, боявшаяся всего неожиданного, слегка побледнела.

— Кто? — с опаской спросила она.

— Телеграмма, — ответил молодой женский голос.

Анна Дмитриевна заволновалась. Оттянула защелку, открыла дверь. На площадке стояла женщина в косынке, плаще, резиновых сапожках, с сумкой на ремешке через плечо.

— Пожалуйста, входите.

Голос у Анны Дмитриевны тихий, с дрожью. Бойтся она телеграмм. Сына сто раз предупреждала: никаких телеграмм, только письма — пусть и после праздников. А тут и праздника не ожидается.

— Елизавета Васильевна, распишитесь вы. Очки не могу найти.

А что очки искать — вот они, на столе. Не в очках дело. Елизавета Васильевна расписалась химическим карандашом: «Лыткина».

— Спасибо вам, — поблагодарила почтальоншу.

Анна Дмитриевна надорвала телеграмму, прочитала: «Еду».

Елизавета Васильевна взяла у нее из рук телеграмму. А в телеграмме только и было: «Еду».

— Господи! Ну, конечно, Сережка домой едет, — обрадовалась Анна Дмитриевна.

Сережка — младший сын Анны Дмитриевны. Старший погиб на фронте.

— И когда хоть он поумнеет, — сокрушалась Анна Дмитриевна. — Целый месяц ни строчки, и вдруг телеграмма. Ни числа, ни поезда...

Прикинули: письмо не писал — не до писем было: сдавал сессию. Раньше сообщал, что попробует сдать экзамены досрочно. Телеграмму, видно, отправил в последний момент, с вокзала.

Ленинградский поезд, вспомнила Елизавета Васильевна — сама прошлым летом с учениками в Ле-

нинград на экскурсию ездила, — приходит в час дня. Значит, Сергея надо ждать завтра.

— Вместе и поедем встречать, — заявила она.

Попили чаю, сыграли новую партию в шахматы. Анна Дмитриевна, как всегда, получила мат. Елизавета Васильевна опять надымила своей папиросой и часу в одиннадцатом ушла домой. Идти близко, один квартал.

* * *

В окне — слева направо — медленно проплыл закрытый шлагбаум. Потом — будка стрелочника, поленица дров. На крыльце будки мылась, согнув лапку, кошка.

Сергей знал: это станция Глебово, следующая остановка — Бельск, ему выходить.

Набрав скорость, поезд пошел дальше на север.

...Лес уплыл в сторону. Параллельно железнодорожному пути появилась отличная бетонированная дорога. По ней двигались самосвалы и грузовики с прицепами. По обочине кто-то ехал на велосипеде с привязанными к велосипедной раме удилицами.

Затем дорога свернула к возвышающимся вдали мартеновским стволам. Из них оранжевыми клубами вываливался дым, оседая желтоватым туманом на металлические коробки цехов.

Сергей с интересом вглядывался в дымную панораму. На этом заводе он работал электромонтером в группе релейной защиты. Отсюда ушел в институт на электротехнический факультет. И, окончив его, снова вернется сюда же, в ту же лабораторию, сокращенно называвшуюся ЭТЛ.

Кто-то за спиной произнес:

— Вот он, наш Бельский металлургический...

Сергей обернулся. Рядом стоял загорелый парень в белоснежной тенниске с красной каймой на коро-

теньких рукавах. «Мне бы так загореть...» — мелькнула мысль.

— Я был в Череповце, — теперь уже прямо обращаясь к Сергею, сказал парень. — Там завод в три раза больше. Но наш тоже дает копати!

Неожиданно все закрыл возникший перед глазами высокий глухой забор. Поезд остановился.

В Бельске сходило полвагона. Сергей быстро надел светлый короткий плащ, взял портфель и прошел к выходу. Перед ним открылся залитый утренним солнцем, заполненный приехавшими и встречающими перрон родного города.

— Сере-е-жа-а!..

К нему, задыхаясь и прижимая цветы к груди, быстро шли две пожилые женщины, обе в круглых очках — две типичные учительницы.

* * *

Чем не поступишься ради идеи? Поэтому Сергей сразу же отказался от желания покупаться и позагорать на солнышке. Наверно, люди с идеями все такие незагорелые...

С замыслом, с которым Сережа Лыткин приехал в Бельск, сдав досрочно сессию, пришлось в первый же вечер ознакомить Елизавету Васильевну и маму. Обе замахали на него руками, узнав, что он завтра же идет на завод.

«Главное убедить Елизавету Васильевну, а мама, как обычно, примкнет», — решил Сергей, зная, какое влияние на мать оказывает Елизавета Васильевна, которую он после матери считал самым близким человеком. Елизавета Васильевна тоже считала его почти сыном. Своих детей у нее не было, муж погиб на войне.

Анна Дмитриевна и Елизавета Васильевна не были

родственницами. Но жизнь свела их еще до войны, и дружба с годами стала сильнее родственных связей.

До получения отдельных квартир они ютились втроем: Елизавета Васильевна, Анна Дмитриевна и Сережа — на семи метрах холодного флигелька двухэтажной школы. Хотя что вспоминать старое...

Сразу после войны за Бельском начал строиться завод. Бревенчатый городок оказался точкой соединения кольской руды и сибирского угля. Коренные его жители помнили, с чего все начиналось, — с огромного котлована, затопленного зеленоватой водой. Не верилось, что здесь и будет завод: с черными нагромождениями доменных печей, плавящих чугун, с высокими стволами мартенов, в которых варилась сталь, с корпусами цехов, с оранжевым дымом.

Спустя десять — пятнадцать лет уже не верилось, что когда-то на этом месте широко простиралось затхлое болото. Конечно, потребовался мощный поток рабочих, понадобились специалисты, которых в Бельске не было. Завод переключил захолустный городок. На месте старого Бельска возник новый город, похожий на московские Черемушки.

Если бы Бельск оставался прежним, то Сергей после школы, вероятно, поступил бы в пединститут, продолжив семейную традицию, чего так хотелось выросшим его женщинам. Но он выбрал то, что предложил завод, который, день и ночь плавя чугун, превратил небо из голубого в ярко-оранжевое.

Анну Дмитриевну ужасало и это небо, и сам завод, где она один раз с другими учителями побывала на экскурсии. Потом в школе все говорили, что Елизавета Васильевна «облазила весь завод», видела «хлеставший поток стали» и восхищалась, как «это величественно», а Анна Дмитриевна, попав в главный цех, сразу же попросила поскорее вывести ее оттуда.

Услышав от Сережи, что он завтра же пойдет на

завод, Анна Дмитриевна решительно запротестовала:

— Ты, Сережа, не горячись. Каникулы же... Ты похудел! Отдохни, походи на реку, позагорай. Хочешь подзаработать — поезжай в пионерский лагерь вожа-тым. Этот завод, электричество — это так опасно...

— Закон Джоуля-Ленца, — отдельно, прислушаваясь к себе, проговорила вдруг Елизавета Васильевна.

— Джоуля-Ленца... — усмехнулся Сережа. — Вы хоть знаете, что такое электричество?

— Где уж нам... — Елизавета Васильевна посмотрела на него с вызовом. — Ты — специалист. Вот и объясни.

— Две тысячи пятьсот лет назад, Елизавета Васильевна, один грек, протирая янтарь сукном, заметил: янтарь вдруг притянул к себе что-то. Вот это и назвали электричеством, потому что янтарь по-гречески — электрон. Потом люди заметили, что ток, проходя по проводнику, нагревает его. Количество теплоты зависит от сопротивления проводника. А вы, Елизавета Васильевна, и я, и мама. и ваши товарищи по работе — все мы проводники. И если через нас пропустить ток, мы окажем ему героическое сопротивление. Утром, до завтрака, — тысяч в пятнадцать ом; сделав зарядку, умывшись, позавтракав — тысяч в тридцать. Так вот, количество тепла зависит от сопротивления проводника, силы тока и времени его прохождения. Это и есть, Елизавета Васильевна, закон Джоуля-Ленца. Джоуль открыл его в 1841 году, Ленц — в 1844, независимо от Джоуля. А теперь посмотрите вот это...

Сережа достал из письменного стола свое старое в желтой корочке удостоверение, развернул его. Сверху вниз, перечеркнув обе половинки по диагонали, краснела длинная широкая полоса — знак того, что обладатель книжечки имеет дело с током напряжением выше **тысячи вольт.**

Елизавета Васильевна взяла развернутое удостоверение, зачитала вслух:

— Бельский металлургический завод. Удостоверение № 3001. Тов. Лыткин Сергей Павлович. Должность: эл. монтер. Допущен к работе в электроустановках выше 1000 вольт во всех цехах завода. Результат проверки знаний «Правил безопасной работы». Причина проверки: первичная. Номер записи в журнале: 93. Оценка: хор. Группа: три. Подпись руководителя группы: Ве...

— Векшин, — подсказал Сергей. — Теперь самое главное: что такое релейная защита. Это — зонтик, который должен сам раскрыться при первой капле дождя. А реле — это защелочка зонтика. Если на заводе при коротком замыкании не сработает ни одно реле, завод вспыхнет.

— Это интересно... — сказала Елизавета Васильевна.

— Реле нужно все время проверять. Их на заводе — миллион. Релейщики успевают проверить их по одному разу в год. Проверка сложная. Во-первых, собирается схема проверки. Она имитирует опасность. Реле в порядке, если сработает. Я там, в институте, задумался: можно ли сделать так, чтобы схема проверки стала прибором, ну как, например, вольтметр. И вот у меня появилась идея.

— Векшин, Векшин... — повторила Анна Дмитриевна. — Кажется, был у меня в классе Векшин.

— Это какой же Векшин? — спросила Елизавета Васильевна.

— Помнишь, когда школа еще покупала валенки ребятишкам? Тем, у кого отцы погибли. Помнишь, мы составляли списки?

— Там был не Векшин, а Толя Вешкин.

— Да нет же... — возразила Анна Дмитриевна. Толя Вешкин был у тебя, а Векшин — у меня.

— В том списке на валенки, — отчеканила Елизавета Васильевна, — был Толя Вешкин. Именно Толя Вешкин оказался моим противником в турнире. Я вижу, адрес-то: Бельск! Думаю: кто же это? А это мой Толя Вешкин. Я недавно его видела, он вел за руку сына. Он со мной всегда здороваётся.

— Вот вы всегда так... — недовольно заметил Сережа.

— Не обижайся. Мы прекрасно тебя поняли, — заверила его Елизавета Васильевна. — Особенно про янтарь и зонтик. Дай папироску. — Она кивнула на пачку «Беломора». И прикурив, спросила: — Какой же будет экономический эффект от твоего предложения?

Сережа пожал плечами.

— Никакого... Просто будет удобней работать. Проще.

— Стремление к простоте! — В голосе Елизаветы Васильевны послышался пафос. — Я внимательно слушала тебя, юноша. Ты нравишься мне. Завтра я расскажу о тебе своему классу. Вполне вероятно, ребята захотят с тобой встретиться. Я люблю их и хочу, чтобы они, когда вырастут, приезжали домой с идеями. Да, Анна Дмитриевна, завод — тоже школа. Там свои предметы, учителя. Желаем тебе удачи, Сережа! Если осуществишь свой замысел, мы поздравим тебя первыми.

* * *

Когда не спится, а ночь светла, лучше всего одеться и выйти на улицу.

Как ни старался Сережа сделать это бесшумно, мать все же проснулась. Выйдя в коридорчик, спросила:

— Куда ты?

— Хочу погулять. Не волнуйся, я скоро. Ты спи.

— Ключ взял?

— Возьму.

Сергей вышел, тихонько прикрыв дверь.

Была полночь, улицы опустели. Проехал в сторону завода трамвай. Люди, сидевшие за освещенными окнами, были одеты в синие рабочие куртки.

Бельск стал рабочим городом: жизнь его, облик и даже сон были подчинены заводу. На трамвае во всю длину второго вагона висел транспарант: «Доменщики! Выдадим сверх плана 25000 тонн чугуна!»

Сергей шел по улице и не знал, как она называется. В прошлое лето этой улицы еще не существовало: ни домов, ни подстриженных кустиков.

Он правильно сориентировался и вышел в старый деревянный район Бельска, на улицу Поля Робсона. Тут было, как и раньше, темно и тихо. Сергей остановился, закурил.

Эту улицу пересекала такая же тихая и задумчивая — «Заря Свободы». Место пересечения их, небольшой круг, вымощенный булыжником, назывался площадью Мужества. Это и был центр старого Бельска.

Сергей подошел к площади, волнуясь, словно там кто-то ждал его, с кем он лет десять не виделся и кого так хотел увидеть.

Безлюдная площадь освещалась двумя старыми многоугольными фонарями, подвешенными у парадного входа в единственную когда-то гостиницу Бельска — «Пирс» и светом из окон первого этажа, который занимал ресторан — тоже «Пирс».

Вряд ли сухопутное население городка, стоявшего, правда, на довольно широкой северной реке, мысленно представляло при этом названии настоящий портовый пирс, как, скажем, в Архангельске, хотя, вероятно, такое название придумал кто-то носивший тельняшку или мечтавший о ней.

Тяжелые шторы на полуовальных окнах ресторана были раздернуты, в помещении его на столах вверх ножками лежали стулья, уборщица мыла пол.

Сергей пересек площадь и подошел к каланче, на кирпичной четырехгранной башенке которой поблескивали римские цифры часов. Раньше часы заводились пожарными, и в детстве Сережа, держась за мамину руку, любил смотреть, когда возле них показывался человек в сверкающей каске.

Но часы давно уже не заводились. Вход на винтовую лесенку в башню был заколочен.

Обогнув каланчу, Сергей еще долго слонялся по темным узеньким улочкам, затихшим и погрузневшим. Кроме этого уцелевшего от перемен островка, все стало другим в Бельске.

* * *

Дежурный электрик отвел массивную темно-коричневую дверь с белым черепом, перерезанным зигзагом молнии. Векшин и Сергей вошли внутрь подстанции.

С улицы подстанция выглядела красно-кирпичным кубом. Внутри горела лампочка, было холодно и пахло озоном.

Подстанция ровно и низко гудела, принимая и распределяя ток. Справа и слева от довольно узкого прохода с раскатанным по нему резиновым ковриком виселись клетями ячейки.

Одну из них дежурный заземлил. На рукоятке разъединителя, отведенного вниз и отключившего эту ячейку от электроцепи, висел планшет: «Не включать — работают люди». Эта же клеть и место возле нее были огорожены веревкой с развешенными на ней картонками: «Стой — убьет».

Получился совершенно безопасный пяточок — хоть устраивай танцы.

Векшин открыл ячейку, подставил деревянную

стремянку, залез на нее. Сергей, вытянувшись на носках, видел из-за его спины уголок белого щитка с прикрепленными на нем черными коробочками — токовыми реле.

— Собирай, — сказал Векшин.

То есть собирай схему проверки. То, что им нужно было сделать, в учебниках физики называется проверкой на максимальную токовую защиту, а в специальной литературе — проверкой срабатывания реле. Они же, релейщики, называли это так: проверить отсечку.

Векшин распечатал и снял с реле пломбу. На ней стояла буква «М».

— Клеймо Митина.

Сергей понял, что год назад это реле было проверено Митиным, вторым инженером группы.

Всего инженеров с Векшиным в группе было трое; третий — женщина, Надежда Борисовна. И ее, и Митина Сергей знал и раньше.

Электромонтеров, помощников инженеров, тоже было трое. С ними Лыткин еще не встречался.

Инженер и помощник работали в паре: так было удобней, и к тому же по правилам безопасности работать на этих электроустановках разрешалось не менее чем вдвоем, чтобы один мог оказать помощь другому при поражении током.

Сергей знал: если рядом Векшин, такого не произойдет. Руководитель релейщиков был не просто знающим инженером — он был безупречно грамотным токовиком.

... Сергей присел на мегометр, придвинул к себе ящик, стал вынимать из него приборы, мотки проводов, инструмент.

— В другое время... — Векшин, не отвлекаясь от реле, продолжил разговор, начатый еще по дороге на подстанцию. — В другое время я дал бы тебе кого-нибудь в помощь. Но начинаются отпуска.

Сергей все выложил из ящика, выдвинул его за пределы пяточка, начал соединять приборы в схему проверки.

Это не мешало ему слушать Векшина.

— Первыми уйдут в отпуск Надежда Борисовна и Таня — наш слабый пол. Я отпускаю их вместе: они вместе работают.

— Ничего, один справлюсь.

Сергей разложил приборы по кругу: подставка с контактами постоянного тока, подставка для переменного, переключатель, амперметр...

— Ну как? — Векшин обернулся, посмотрел вниз. — Не забыл?

— Секундомер тоже сейчас или потом?

— В последнюю очередь. Я потому с тобой и пошел, чтобы ты все вспомнил. Дай постоянный.

Векшин снова припал к щитку.

Сергей вложил ему в опущенную руку два провода, присоединенные к клеммам, над которыми стояла белая прямая черточка. Векшин присоединил эти провода к реле.

— А теперь давай переменный.

Сергей вложил в его руку два других провода, потянувшихся вверх, к реле, от клемм с волнистой чертой.

— Присоедини переключатель. Схему собрал?

— Нет еще.

— На этом мы и теряем время...

Наконец схема была собрана, началась проверка. Когда они закончили с одним реле, настроив его на мгновенное срабатывание, то присоединили схему к соседнему реле.

— Сделаем так, — сказал Векшин, — соберем всех после работы и обо всем договоримся.

— Вот этого мне бы и хотелось, — обрадовался Сергей.

— Кто придумал чемодан? — спросил Векшин.

Релейщики засмеялись.

Они собрались в подвальной комнате лаборатории, думали, что будет собрание или еще что-то, а когда все расселись, Векшин вполне серьезно спросил о чемодане.

Переждав смех, он так же серьезно сказал:

— Тогда что-нибудь попроще... Кто придумал вольтметр?

— Я знал, да забыл, — ответил самый молодой из помощников.

— А я знаю, — тихо произнесла Таня.

Она была в белой кофточке в широкую голубую полосу с длинными рукавами и отложным воротничком. Синяя куртка висела на стуле.

— Вольтметр сделал Якоби... — Таня слегка порозовела. — Член Петербургской Академии наук.

— Пять, — оценил ее ответ Векшин.

Таня, перехватив Серезин взгляд, покраснела еще больше.

— Посмотрите на этого юношу, — сказал Векшин, показывая на Лыткина.

И все на него посмотрели. Сергей такого не ожидал. Он смущенно отвел назад волосы.

— Чемодан изобрел он. Познакомьтесь: его зовут Сергей Лыткин. И я хочу при всех пожать ему руку.

Векшин встал, — он был высокий, с острым лицом, — взял Серезину руку и крепко пожал ее.

— Юрий Михайлович пошутил, — начал Сереза, — хотя тут и вправду — чемодан. — Он обвел всех взглядом. — Я раньше работал здесь, в этой группе.

— Со мной, — подтвердил постаревший Митин.

Он, как и раньше, ходил в том же сером берете, никогда не снимая его.

— И со мной тоже. Так? — улыбнулась Надежда Борисовна.

— Так, — улыбнулся в ответ Сергей. — Мы тут все свои, релейщики. И все мы знаем, как долго приходится собирать схему проверки. А сколько носишь с собой приборов! Штук пятнадцать. — Он помолчал, собираясь с мыслями. — Я ничего не открыл, не придумал, не изобрел. Просто я предлагаю: давайте соберем схему, пригодную для любого реле, насколько это возможно. И сделаем переносный пульт проверки. Удобный, маленький. Он не будет тяжелым. Это будет готовая схема — останется только подсоединиться к реле. И вот что я предлагаю... Только не смейтесь. — Сергей посмотрел на парнишку, сидевшего рядом с Таней, и подумал, что оба они сейчас захохочут. — Предлагаю этот пульт разместить в чемодане.

Сергей остановился, снова оглядел всех, но никто не смеялся. И тогда он заговорил уверенней:

— Вот представьте: небольшой закрытый чемодан, две обычные застёжки. Расстегиваете их, поднимаете крышку. Вровень с краями чемодан закрыт панелью пульта с вырезанными окошечками. Круглое — циферблат электросекундомера, два прямоугольных — амперметр и вольтметр, третье, побольше — омметр, узкая щель — колея для рычажка реостата, если он будет скользящим. Справа и слева — клеммы постоянного и переменного тока, а сверху, вот тут, как на лбу, — контрольный глазок. Когда пульт выключен, глазок — черный, когда включен — похож на зеленый семафор. И все приборы — на дне чемодана. Выводы их подняты над панелью не выше одного или полутора сантиметров, чтобы крышка свободно закрывала чемодан. Вы ее опускаете, закрываете чемодан, берете за ручку — и понесли в какой угодно цех, на любую подстанцию. Вот и все...

В подвале было тихо. Первым поднялся с места

Митин. Он неторопливо подошел к Сергею, протянув темную заскорузлую руку. Сергей неуверенно подал свою и ощутил крепкое пожатие. Другой рукой Митин похлопал его по плечу и так же неторопливо вернулся в свой угол.

— Сере-ежа!.. — всплеснула руками, поднявшись, Надежда Борисовна. — Где же ты раньше-то был? Как просто: принесла, открыла — и все готовенькое. Ну, ты меня удивил!

Парень, куривший сигарету, отвернув рукав куртки, посмотрел на часы.

Сережа тоже посмотрел на часы: половина пятого. Он сказал матери, что вернется часов в семь.

Поднял глаза — на него смотрела Таня.

— Сережа, — негромко сказала она, — возьмете меня в помощники?

— Вы же уходите в отпуск...

Таня обиженно вытянула нижнюю губу.

Парень с сигаретой снова посмотрел на часы.

«Наверно, торопится куда-нибудь», — подумал Сергей и решил помочь ему.

— Ну что, Юрий Михайлович, хватит на сегодня?

— У кого шапка? — спросил Векшин. — Михаил Павлович, давайте берет. Нам нужно три чемодана, это рублей двадцать. Сбросимся по трешнику.

— Можно и без берета.

Митин вытащил бумажник и, расчистив на столе, заваленном приборами и проводами, угол, положил три рубля.

— Михаил Павлович, и за меня, — попросил уже закуривший новую сигарету парень.

— Ой, — вырвалось у Тани. — Я принесу завтра.

— Стоп. — Сказал Векшин. — Стоп... Возьмите, Михаил Павлович, — он вернул Митину три рубля. — Мы еще не знаем, какого размера потребуются чемоданы. Завтра соберем схему — прикинем. Все. Есть

у кого что сказать? Значит, все. Спешу в сад за сыном. До завтра.

Ему вразнойбой ответили.

— Таня, ты со мной? — Надежда Борисовна подхватила сумку с торчавшими из нее двумя бутылками молока.

— Да, да.

К Сергею подошел паренек, который не смог назвать изобретателя вольтметра. У него было совсем мальчишеское лицо.

— Ты куда идешь? Пойдем вместе?

— Пойдем, — ответил Лыткин.

«Как хоть его зовут?» — подумал он и сказал:

— Меня зовут Сергеем.

— А меня — Юрием. Как Векшина. Но все зовут меня просто Юркой.

На улице Юрка дернул Сергея.

— Трамвай! Побежали?

— Нет. Ты тоже спешишь?

— Почему «тоже»?

— Ну... Все спешат куда-нибудь. Но, если ты спешишь, то лучше иди без меня.

— Ты не хочешь, чтобы я шел с тобой? — огорчился Юрка.

— Я не хочу на трамвае, — ответил Лыткин. — Я думал, ты хочешь о чем-то поговорить. А ты просто так?

— Просто я... Давай дружить, а?

— Пошли! — развеселился Сергей.

— И знаешь чего, Серега? Давай я тебя буду звать — Серый.

— Ол райт.

— Ты учил английский?

— Да.

— Я тоже. А знаешь, сколько будет стоить в 2001 году доставка лунной руды на землю?

— Нет. Разве уже подсчитано?

— Да, американцы подсчитали — 0,3 доллара. — И совсем неожиданно заявил: — Ты, Серый, вообще-то молодец!

* * *

Второй помощник из группы релейщиков, который много курил и все поглядывал на часы, проехав несколько остановок на трамвае, вышел и, оглядевшись по сторонам, направился к телефонной будке, что стояла на углу.

Когда он просил Митина, чтобы тот внес за него на чемодан три рубля, во внутреннем кармане его куртки лежало сто пятнадцать рублей. Но деньги эти были предназначены на другое, совершенно особое дело.

Зайдя в будку, парень набрал номер 22-51. В трубке ответили.

— Это я, Павел Урусов. У меня с собой сто пятнадцать рублей. Куда мне идти — к вам?

— Нет. Отдайте деньги ему, и пусть он позвонит мне.

— Вы прекращаете дело?

— Да.

— До свидания.

Минут через двадцать Урусов сидел в своей комнате общежития за круглым столом.

— Я только что говорил со следователем, — сказал он, глядя на сидевшего напротив него крупного парня с капроновым галстуком на резинке. — Он сказал, чтобы ты позвонил ему. Вот деньги.

Урусов положил на стол незапечатанный чистый конверт.

— Пересчитай.

Парень достал из конверта деньги, начал считать. Урусов смотрел на его руки.

Парень поднялся.

— Все. Я иду звонить.

— Только не с вахты, — попросил Урусов. — Через дорогу от общежития, у магазина, есть автомат.

— Ладно, — пообещал парень. — Ты, конечно, понимаешь: я не могу оставаться с тобой в одной комнате. Я попросил коменданта переселить меня в другое крыло.

Урусов сузил глаза, но смолчал. Парень подошел к шкафу, вытащил черный лакированный чемодан, кожаную папку, снял с вешалки шляпу и темно-синий плащ-болонью. Выходя в коридор, он полуобернулся.

— Смотри... Это может плохо кончиться.

Урусов остался сидеть за столом, сжав виски руками.

* * *

Заводская лаборатория занимала трехэтажное здание, сложенное из светлого кирпича. На втором этаже к белым дверям одной из комнат был прибит синий прямоугольник, указывающий, что здесь помещается группа релейной защиты. Но релейщики приходили сюда только утром на полчаса и, получив наряды, расходились по цехам и подстанциям. Брал ключ у вахтера и открывал комнату тот, кто приходил первым.

Сегодня первым пришел Сергей.

Комната была большой, светлой. В ней находилось несколько письменных столов; вдоль стен стояли шкафы с хранившимися в них чертежами; на длинных подоконниках были расставлены горшочки с геранью; правую от входа стену закрывал огромный голубой занавес. В простенках между окнами и шкафами висели портреты.

Галерею, собранную релейщиками, открывал Ломоносов.

Полное, круглое лицо Михаила Васильевича в мелко завитом, коротко подстриженном парике, было одухотворено. Сережа Лыткин благоговел перед этим человеком. Он сказал об этом и Юрке, когда они шатались вчера по городу. Юрка знал о Ломоносове только то, что было в школьных учебниках. Сергей посвятил своего нового друга в учение о трех стилях, читал наизусть стихи Ломоносова, рассказал, что в «Слове о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих» Михаил Васильевич писал о связи между электрическими и световыми явлениями.

Вторым слева висел портрет изобретателя первого электрического двигателя, члена Петербургской Академии наук Бориса Семеновича Якоби, который осенью 1838 года изобрел первую в мире моторную лодку, впервые на практике применив электропривод.

Со следующего портрета на Сергея пристально смотрел сквозь маленькие грибоедовские очки ректор Петербургского университета Эмилий Христианович Ленц.

Не зная о Джоуле, он проводил опыты по электромагнитной индукции. Обобщенные, они вошли в физику как правило Ленца.

Лыткин так задумался, что не слышал, как вошла Таня.

— Здравствуйте, Сережа!..

— Здравствуйте, — сдержанно ответил он.

Темно-русые Танины волосы, расчесанные на прямой пробор, гладко спускались на уши, а на затылке перехватывались голубой тесемкой.

Таня с улыбкой смотрела на Сергея.

— Я думала — буду первой.

Сергей невольно улыбнулся в ответ, но тут же нахмурился: вчера он узнал от Юрки, что он и Таня

давным-давно любят друг друга. Юрка так и сказал: давным-давно. Так что улыбайся не улыбайся...

— Вчера ко мне забежал на минутку Юра. Он сказал, что вы исходили с ним весь город.

Сергей ждал. «Неужели Юрка разболтал все, о чем они говорили?»

— Он сказал... — Таня запнулась.

— Что?

— Он сказал, что... вы оба пожалели, что не взяли меня с собой. Это правда?

— Нет. Я сказал, что у каждого должен быть кто-то, с кем ему нравилось бы ходить по городу. Он не понял меня, ваш Юра. Или вы его не поняли.

— Скорее всего я. Простите...

Лыткин пожал плечами: ему-то что.

Вошли Митин и Надежда Борисовна. От Юрки Сережа узнал о Митине, чего раньше не замечал. Если Митин покупал бутылку молока или вина, то, прежде чем выпить, процеживал и молоко, и вино через марлю. Ему казалось, что на дне любой бутылки, с чем бы она ни была, вполне может лежать маленький осколок стекла. «Митин с приветом», — сказал Юрка.

А о Надежде Борисовне, которую Юрка называл просто Надеждой, он сказал, что с ней весело работать. Возвращаясь с обеда, она приносила на подстанцию разные продукты для дома, которые раскладывала прямо среди проводов и приборов. Пятачок, окруженный планшетами «Стоять — убьет», становился удивительно домашним, похожим на кухню. А когда шла проверка, Надежда говорила с Юркой о новом фильме, который он посмотрел, или о том, какие брюки, рубашки, прически были сейчас в моде. Юрка был доволен, когда ему выпадало идти на подстанцию с Надеждой Борисовной. Но чаще ему приходилось работать с Митиным, который и аппаратуру проверял так же медленно и осторожно, как процеживал молоко.

Следом за Митиным и Надеждой Борисовной пришли Векшин и Павел Урусов. Войдя, они оборвали какой-то свой разговор, и оба выглядели недовольными.

Последним прибежал Юрка. Он редко приходил вовремя. Или появлялся на полчаса раньше, или прибегал, запыхавшись, когда уже все, как сейчас, сидели за столами лицом к Векшину и к голубому занавесу на стене за его спиной.

Векшин нажал кнопку сбоку стола. Занавес медленно раздвинулся, открыв огромную электросхему завода.

— Все? — спросил Векшин. Он был свеж, чисто выбрит. — Тогда начнем. Подстанция номер два?..

— Работа закончена, — отозвался Митин. — Приборы в подвале.

— Ремонтно-механический цех?..

— Юрий Михайлович, — откликнулась теперь Надежда Борисовна. — Мы с Таней тоже закончили, но у нас под конец перегорел реостат. Мы принесли его сюда, он в моем шкафу.

— Так... — Векшин потер лоб. — Сегодня у нас... Сегодня у нас вот что. Павел уходит с работы. Он хочет уйти сегодня и отказывается объяснить причину. Что будем делать? Решайте.

Все посмотрели на Урусова, который сидел один за столом и курил.

Сергей более внимательно, чем в первый раз, приоткрылся к Павлу. Тот был небрит, бледен, под глазами темнели круги.

Релейщики молчали, выжидающе повернувшись к Урусову. Сигарета тлела в его руке.

Павел молчал.

Загремел отодвинутый стул. Это поднялся Юрка. Он подошел к Павлу и тихо сказал:

— Мы тебя не отпустим, Пашка.

Павел встал и, глядя прямо перед собой, произнес:
— Даю честное слово, что расскажу правду.

Рассказал он вот что... В общежитии заселялось отремонтированное крыло. Павла направили в 168-ю комнату. Туда же вселили приехавшего в командировку на Бельский завод Григория Петрова. Павел видел его лишь дважды: утром, когда собирался на работу, и днем, во время обеденного перерыва, в столовой.

В тот день Урусов не ночевал в общежитии. Он вернулся туда только утром, чтобы переодеться в рабочую одежду.

Как только он вошел в комнату, Григорий поднялся навстречу:

— У меня пропало 115 рублей. Вчера вечером тебя видели пьяным на вахте. Все улики против тебя. Я извиняюсь, но должен тебя обыскать.

Растерявшийся Урусов вывернул все карманы. У него было два рубля с мелочью.

— Где деньги?

— Я не брал твоих денег.

— Сейчас придет следователь.

Урусов был местным, но жил в общежитии. На завод пришел после армии. На втором году его службы мать и отец, прожив вместе четырнадцать лет, разошлись и, закончив сложный обмен комнат, разъехались в разные города. Предполагалось, что Павлик, демобилизуясь, будет жить или с матерью, или с отцом — с кем захочет. Получив от них последнее общее письмо, сын ответил, что он не Павлик, а Павел и после демобилизации вернется в Бельск. После этого он прекратил переписку с родителями.

Сейчас ему было двадцать пять лет. Работал он по четвертому разряду, получал сто рублей. Юрке он как-то сказал, что этого ему вполне достаточно.

Но следователь решил иначе. Он сделал для себя два вывода. Первый: Урусов — из «неблагополучной» семьи. Второй: неясно, где он провел ночь.

Тогда была пятница, и после работы Векшин попросил релейщиков задержаться на полчаса. В тот день он рассказал им о себе — о том, как пришел на завод копать землю, потому что завода в действительности еще не было — он только строился, и о том, как именно тогда поступил на первый курс заочного отделения Ленинградского политехнического института. Уже студентом третьего курса Векшин пришел в электролабораторию и начал работать в паре с инженером. А потом сам стал инженером.

Рассказав о себе, Векшин подвел разговор к главному. «Как было бы хорошо, — сказал он, — если бы вы не уезжали из Бельска, а учились заочно. Работа помогала бы вам учиться, а учеба — работать лучше, точнее».

Юрка в ответ на это предложение заявил, что его скоро призовут в армию. А Таня сообщила, что она как раз собирается поступать на заочное отделение и уже ходила в заводскую техническую библиотеку справляться о консультациях.

Урусов же нехотя протянул:

— Не знаю... Подумаю.

— Подумай, — посоветовал Векшин.

И они разошлись. Векшин, неторопливо покручивая педали, поехал на велосипеде. Надежда Борисовна и Таня пошли пешком. А Урусов, Митин и Юрка сели в трамвай.

В тот же вагон сели и ребята из Вьетнама, которые уже около месяца проходили практику на заводе. Одного из них Урусов запомнил: этот вьетнамец выступал на митинге в День защиты детей.

Юрка толкнул Митина, потом Павла.

— Я сейчас познакомлюсь.

И стал пробираться к вьетнамцам.

— Как вас зовут? — обратился он к тому самому вьетнамскому пареньку, который выступал на митинге.

Вьетнамец, улыбнувшись, глуховато ответил:

— Нгуен Куанг Тху. Нгуен.

— А меня Юрка. Давай дружить?

— Заводной паренек, — одобчительно сказал Митин. — Он и в армии своим человеком будет.

— Ты воевал, Михаил Павлович? — спросил Павел.

— Воевал.

— А медали у тебя есть?

— Восемь.

— Восемь?

Павел посмотрел на Митина так, словно видел его в первый раз.

— Если бы я был твоим сыном, я бы тобой гордился.

— У тебя что, нечем гордиться?

— Есть. Заводом. Он мне как мать и отец. Кормит, обувает, воспитывает.

Трамвай стал тормозить.

— Я приехал. До понедельника, — попрощался Урусов.

Оставшись один, он вспомнил Петровича. Вот кого он давно не видел.

Петрович был соседом Урусовых, когда они жили одной семьей. Петрович занимал одну комнату, Урусовы — две в трехкомнатной квартире. Павел маленьким думал, что Петрович — его дедушка. А когда повзрослел, долго не мог отвыкнуть от своего по-детски крепкого убеждения.

И после демобилизации он сразу же отыскал Петровича в ресторане «Пирс», где тот был бессменным тапером. С тех пор Павел нередко навещал там Пет-

ровича. Но в последнее время все что-то никак не выдавалось свободного вечера.

В общежитии Урусов быстро переоделся и минут через двадцать был в старом квартале города. Но Петровича в «Пирсе» он не обнаружил. Старое разбитое пианино мрачно молчало. Швейцар на его вопрос, жалостливо заморгав, ответил:

— Умер Петрович.

...Глубокий заросший овраг начинался почти от самой площади Мужества. Потрясенный внезапным известием, Павел не замечал, что ветви деревьев больно бьют его по лицу. Под ногами хрустко трещал валяжник. Дно было сухим. Овраг не заливался водой, потому что шел к реке с наклоном, и от конца его тянулся песчаный пологий спуск шагов в двадцать до места, где стояла черная полузатопленная баржа.

Павел, бывало, ловил здесь в детстве с Петровичем окуней. Как тогда, слышались всплески воды, чернел длинный борт. Не было только Петровича.

Поднявшись на баржу по вытянутому, уныло прогнувшемуся трапу, Павел сошел по наклонной палубе вниз и сел, уперев ноги в доску. Рядом поставил бутылку водки, которую захватил для встречи с Петровичем, достал пачку «Лигероса».

От ветров и дождей палуба сделалась замшевой, светло-серой. Такая она и снилась ему в армии. Он знал здесь все: и какая доска проломлена, и откуда можно нырять, и где он вырезал свое имя.

Павел решил прийти сюда в другой раз с ножом и вырезать имя Петровича.

Это потом, а сейчас... Он поднялся, взял нераспечатанную бутылку за горлышко и, размахнувшись, бросил ее в воду. Он хотел выпить с Петровичем, но его нет. Он подумал, что Петрович сказал бы: «Спасибо, Пашенька. Так я хотел посмотреть на тебя».

Обо всем этом он рассказал следователю. Он всю ночь был трезвый и в общежитие пришел только утром. перед работой, чтобы переодеться.

Вахтерша, видимо, перепутала его с кем-то, так как крыло только заселялось и она плохо знала новых жильцов.

Но следователь не поверил ему.

— Где ты работаешь? — спросил он.

— На заводе.

— Где?

— В ЭТЛ, в группе релейной защиты.

— Мне придется туда позвонить. Я должен взять тебя на трое суток.

Павел сидел на стуле, уставясь в пол. Он больше не хотел говорить. Он хотел, чтобы следователь ушел и чтобы этот парень, Григорий, уехал туда, откуда приехал. Он хотел, чтобы они оставили его в покое. Ему надоел разговор о деньгах, которых он не брал, не видел и не знал, что они есть. «А что, если...» Он посмотрел на следователя.

— А если я отдам ему эти сто пятнадцать рублей — что тогда?

Следователь повернулся к Григорию.

— Согласны на такой вариант?

Парень пожал плечами: он в общем не против.

— Если согласны, — сказал следователь, — дело я закрываю, и мы расходимся.

— Я принесу их вечером, — торопливо заверил Павел. — В шесть вечера. Но вы правда закроете дело?

— Да. Я же сказал.

— Мне нужно на работу. — Павел встал. — Я опаздываю. Я позвоню вам ровно в шесть. Как вам звонить?

— 22-51.

— Кого позвать?

— Моя фамилия Вешкин.

Павел стоял, опустив голову.

— В общежитии уже прошел слух, что кто-то у кого-то украл деньги. Потом он дошел бы до вас. И я решил уволиться. Я не хотел больше никому ничего рассказывать. — Урусов долго молчал, потом еще раз повторил: — Даю честное слово: я рассказал правду.

Митин тяжело задвигался на стуле.

— Подтверждаю. Павел взял у меня вчера в долг 115 рублей. Сказал, срочно нужны. Я в обед съездил домой, снял с книжки. Хотел спросить зачем. Да что спрашивать? Раз нужны...

Теперь все молча смотрели на Векшина. Он поднял трубку — телефон стоял справа от него. Набрал номер, который записал во время рассказа Урусова. Когда ему ответили, Векшин спокойно произнес:

— Мне нужен следователь Вешкин.

Релейщики затаили дыхание.

— Здравствуйте. Моя фамилия Векшин. Я секретарь партийной организации группы, где работает Павел Урусов.

Следователь стал говорить. Он говорил и говорил.

Векшин слушал молча, не перебивая. Релейщики, не отрываясь, смотрели на его лицо — собранное, деловое. Наконец заговорил он:

— Теперь я, кажется, начинаю понимать...

Следователь, видимо, спросил: «Что?»

— У меня создалось впечатление, что вам некогда заниматься неподсудными суммами. Я не считаю возвращение денег признанием вины.

И снова он слушал — внимательно, молча, не перебивая. Но что-то произошло. Лицо его начало краснеть, на нем проступил гнев.

— Я не юрист, — едва сдерживая себя, сказал Векшин. — Наш разговор затянулся.

И положил трубку. Он провел по лицу ладонью, как бы желая согнать то, что заметили релейщики, придвинул к себе отложенные бумаги. Поднял глаза на Урусова.

— Ты своего добился. Деньги вернул, дело закрыто. Собрался бежать от нас, своих товарищей... А бежать надо было к нам — и сразу. Хороший тебе урок. Всем нам урок. Ставим точку.

Помолчав, он уже совсем другим — обычным тоном, спросил:

— Что с реостатом?

— Перегорел, — виновато ответила Надежда Борисовна.

— Вот что... — произнес Векшин. — Отправляйтесь-ка вы с Таней в отпуск. Приборы передайте Сергею. Пусть принимается за пульт. Урусов — со мной, Михаил Павлович — с Юрой. Все. Расходимся. — Векшин встал, посмотрел на часы. — Скоро уже обед, а мы еще здесь.

* * *

Сергей стоял у раздаточной стойки. Очередь потихоньку продвигалась, скользили по стойке пластмассовые подносы. Над раздаточной на голубой стене красными аршинными буквами было написано: «Приятного аппетита». Сбоку на гвоздике висел шелковый треугольник — переходящий вымпел. А пониже вытянулись четыре строчки стихов:

Если мы не понравились вам,
скажите об этом нам.

Если мы понравились вам,
расскажите об этом друзьям.

Бухгалтером столовой, куда ходили обедать релейщики, работала Юркина тетка. Юрке это очень не нравилось. Когда она проходила из своего кабинета мимо раздаточной и заставляла тут Юрку, то всегда

приветствовала его: «Здравствуй, Юрик». И Юрка, краснея, прятался за чьи-нибудь спины.

А однажды тетка подошла прямо к столику, за которым сидели Таня, Векшин, Урусов и Юрка, и, пожелав всем приятного аппетита, обратилась к племяннику: «Юрик, не придумашь ли ты хорошие стихи? Наша столовая завоевала переходящий вымпел. Все тебя просят и очень надеются».

Юрка покраснел до слез. Ему было очень досадно, что тетка вот так при всех открыла его тайну, о которой знали только Юркины ближайшие родственники.

Векшин удивился, что Юрка пишет стихи, похвалил его и спросил Юркину тетку, какие нужны стихи для столовой. Он напоминал Юрке об этом до тех пор, пока стихи не были написаны. А теперь они красовались на голубой стене, и каждый, кто приходил в столовую, обращал на них внимание.

...Сергей уже подошел к девушке, наливавшей первое, когда кто-то толкнул его в спину. Это был Юрка.

— Я принесу еще два подноса. Бери нам с Таней то же, что и себе. А я потом подойду.

Сергей проследил, за какой столик вернулся Юрка, встретился глазами с Таней. Они улыбнулись друг другу. Но Таня тут же повернулась к Юрке, который принялся рассказывать ей что-то смешное.

Когда расставляли тарелки, Юрка показал Сергею на столик, за которым два приятеля чокались полными стаканами молока.

В том углу было несколько столов для диетчиков. За передним — лицом к ребятам — сидел Митин. Через кусочек марли он переливал молоко из бутылки в стакан.

— Видишь? — засмеялся Юрка.

Уже под конец обеда к ним подошел взволнованный Павел.

- Векшина не видели?
- Нет, а что? — спросил Сергей.
- Тот парень, Григорий, — он тут.
- Где? — дернулся Юрка.
- Вон стоит у буфета.

Юрка мгновенно оказался рядом с высоким парнем в темном костюме. Вытянувшись, он похлопал того по плечу. Парень с удивлением оглянулся. Юрка, видимо, сказал, что надо поговорить, — оба вышли на лестницу.

— Сидите, — бросил Сергей и тоже быстро вышел из зала.

Выходя, закрыл за собой дверь.

— Так кто ты — вор или подлец? — услышал Сергей с нижней площадки.

— Вот кто...

Раздался сильный удар по лицу.

Перепрыгивая по три ступеньки, Сергей бросился вниз и, увидев перед собой крупную спину, кинулся на нее. Резко согнув колени, сделал подсечку и повалил парня на пол. Сам отошел к стене.

Бросив взгляд на Юрку, он увидел, что у того изо рта течет кровь.

— Вставай, — сказал Сергей парню. — И — верни деньги. Павел их не брал.

— Из одной кофлы? — угрожающе спросил парень. Он был на голову выше Сергея.

— Да. Из одной. Давай деньги.

— А если — нет?..

— А мы тебя обыщем. — Юрка встал рядом с Сергеем. — Ты-то его обыскал. Выворачивай карманы.

Послышались быстро спускающиеся шаги. Показался Векшин. Увидев разбитую губу у Юрки, спросил:

— Это он тебя?

Юрка промолчал.

— Ка-ак дам!.. — Векшин замахнулся — парень отдернул голову. — Впрочем, мы пойдем сейчас к следователю.

Парень оглядел всех троих.

— Не надо к следователю...

Полез во внутренний карман, вытащил большой желтый бумажник.

— Все сто пятнадцать, — сказал Векшин.

Парень сосчитал деньги.

— Сто пять.

Векшин протянул руку.

— Черт с тобой! Давай.

Взяв деньги, Векшин сунул их в боковой карман, заложил руки за спину. Сергей видел, что они сжаты в кулаки.

Гневно глядя на парня, Векшин отчеканил:

— Чтобы больше я тебя в этой столовой не видел. — И повернувшись к нему спиной, скомандовал Юрке с Сергеем: — Марш наверх!

В зале никто ничего не заметил. Испуганные Таня и Павел тихо сидели за столиком. Увидев Юрку, Таня ойкнула, выхватила из рукава белый платочек с кружевом и приложила к его губе. Юрка перехватил платок, отвернулся. Его разбитые губы расплылись в счастливой улыбке.

* * *

Потекла обычная будничная жизнь. Таня и Надежда Борисовна были в отпуске. Лыткин сидел в подвале делал пульт. Юрка работал в паре с Митиным. А Векшин — с Урусовым. Павел приходил теперь на работу аккуратно побритым, подстриженным, как Векшин, под ежика.

Наконец Юрку вызвали в военкомат. Вернулся он оттуда в шлеме — почти таком же, как у Павки Кор-

чагина. Он купил его сразу, зайдя из военкомата в магазин, и теперь нигде не снимал его, даже в столовой.

Отсутствие волос удручало Юрку. Время шло, Танин отпуск кончался. Придет она, а Юрка — в шлеме...

Таня появилась неожиданно и застала Юрку перед зеркалом, где Надежда Борисовна всегда поправляла прическу, а теперь он внимательно рассматривал свои чуть-чуть отросшие волосы.

С открытым ртом Юрка смотрел на Таню, а она весело улыбалась и что-то объясняла ему...

Оказывается, Таня никуда не уехала. Она осталась, чтобы помогать Сереже Лыткину делать пульт.

Таня пришла как обычно и стала ежедневно приходить в лабораторию к восьми часам утра.

С ней происходило что-то странное. Подходя к дверям лаборатории, Таня гадала: пришел Сергей или нет. А однажды, когда Юрка, она и Павел Урусов пошли после работы покататься на лодке, она, не слыша, что ей говорят, все думала: «А где сейчас Сережа?» И когда подняла голову, то вздрогнула: Сергей стоял перед ней. У Тани сразу пересохли губы. Ей вдруг нестерпимо захотелось признаться ему: «Сережа, я пропалаю...»

Таня стала невероятно рассеянной. Мать послала ее в магазин, но, пойдя к окошечку кассы, она никак не могла вспомнить, что же ей нужно. Так, не пробив чек, и отошла в сторону.

Если Сергея не было рядом, Таня думала, где же он, и все ждала: вот-вот откроется дверь — и он войдет.

Вчера Таня нагрubiла Юрке. Потом извинилась, но Юрке от этого стало еще больней. Он сказал:

— Ты стала какой-то другой, Таня.

— Какой?

— С приветом, — угрюмо ответил он.

Обычно Юрка засыпал в одиннадцатом часу и спал все восемь с половиной часов на правом боку.

Но прошедшей ночью Юрка впервые не мог уснуть. Он думал о Тане. Потом поднялся, взял тетрадь, ручку и написал первые стихи о любви.

Утром он решил подойти к Тане прямо в лаборатории и сказать, что любит ее.

В лабораторию он явился рано, за полчаса до работы. Ходил в шлеме между столами и читал про себя и вслух свое ночное стихотворение.

Вторым пришел Митин.

— Юра, ты тут? — удивился он. — Здравствуй! Юрка, не отвечая на приветствие, пристально смотрел на Митина.

— Митин, хочешь, прочитаю стихотворение?

— Давай читай. А чье?

Юрка горько признался:

— Мое. — И, помедлив, продолжил: — Посвящается Тане.

Я хочу знать,
По какой улице ты идешь.
Я хочу с тобой встретиться.
Я хочу видеть тебя.
Я хочу идти рядом с тобой.

Митин слушал его, наклонив голову, а когда Юрка кончил читать, подошел к нему, пожал руку и уважительно похлопал его по плечу.

Пришли Урусов, Векшин, Таня. Юрка рванулся к ним навстречу.

— Привет!

— Здравствуй, Юра, — равнодушно ответила Таня.

Юрка поник. Он смотрел, как Таня повесила на стул куртку, как поправила манжеты и строгий воротничок кофточки в голубую полоску, как прислони-

лась к шкафу, став вполоборота к Юрке, в двух шагах от него.

Совсем рядом стояла девушка, которая так нравилась ему и которая не обращала на него никакого внимания. Открылась дверь, и Таня вся сжалась. Вошел Сергей. Таня беспомощно отвернулась к Юрке.

Сергей поздоровался, чуть улыбнувшись и отведя назад волосы. Ему ответили все, кроме Юрки и Тани.

Юрка, не отрываясь, смотрел на Таню. Он впервые видел ее такие растерянные, беспомощные, испуганные глаза, смотревшие на него и не видевшие его.

Юрка побледнел. Не стало вдруг ни Векшина, ни Павла, ни Митина — только Танино лицо, на котором отразились тревога, смятение и еще что-то такое прекрасное, но не имеющее к нему, к Юрке, никакого отношения. Ему бы выбежать, скрыться. А он шепотом, тихо-тихо спросил:

— А я?

Уверенно жужжа, раздвинулся занавес электро-схемы.

— Прошу садиться, — сказал Векшин.

Юрка смотрел на Векшина и ничего не слышал.

А Векшин неожиданно улыбнулся.

— Завтра прошу всех придти в парадной форме.

* * *

Робко двинув короля, Анна Дмитриевна оглядела доску и, успокоившись, снова принялась вязать.

— Анна Дмитриевна! — возмущенно вскрикнула Елизавета Васильевна. — Тебе же мат!

— Как мат?..

Из кухни, заинтересовавшись, вышел Сергей с полотенцем в руках.

— А вот как. Вот! — и Елизавета Васильевна радостно хлопнула в ладоши.

Анна Дмитриевна, поправив очки, близоруко склонилась над доской и, убедившись, что проиграла, ничуть не огорчилась.

— Сережа, как чай?

— Все готово. Просим девушек к столу.

С приглашением на чай мать отправила Сергея к Елизавете Васильевне еще утром. Когда он пришел, Елизавета Васильевна с гордостью показала ему длинный ящичек с картотекой первых своих ходов и полученных ответов. Всесоюзный заочный шахматный турнир продолжался. Елизавета Васильевна сказала Сереже, что о ней, как о шахматистке, знают в сорока уголках страны.

— И как о неплохой шахматистке! — добавила она, подняв палец.

Когда они расселись втроем за кухонным столиком, Елизавета Васильевна, любившая крепкий чай, похвалила Сергея:

— Смотри-ка: багрово-красный. Такой чай хорошо пить не из чашки, а из тонкого стакана. Достань мне стакан.

— Вот вам стакан и подстаканник.

— Прекрасно! Мы будем пить чай и смотреть в окно. И больше нам ничего не нужно. Сережа со мной, разумеется, не согласен.

— Если бы я был французом, я ответил бы так: я совершенно не согласен с вами, Елизавета Васильевна, но я умру за ваше право говорить то, что вы думаете.

— Ого!

Анна Дмитриевна посмотрела на сына, он был весел, но ей показалось, что Сергей за последние дни еще больше осунулся.

— Да, Сережа... — Елизавета Васильевна, отпив чаю, затаилась папирсой. — Время идет... летят за днями дни, и каждый день уносит частичку бытия. —

И прогоняя минутное грустное настроение, уже бодрым голосом спросила: — А как это твое «реле»?

— Готово.

— Ах, как интересно... На что это похоже?

— На чемодан.

— Ты шутишь?

— Нет. Это действительно чемодан, а внутри — пульт. Я и не ожидал, что это будет так удобно. Завтра вся наша группа собирается в парадной форме. Я показываю работу пульта.

— Ах, как интересно!.. — снова повторила Елизавета Васильевна. — Значит, Анна Дмитриевна, завтра у нас — праздник?

— Я об этом услышала только сейчас. Сережа ничего не говорил. — Анна Дмитриевна с укоризной посмотрела на сына. — Ты стал таким скрытным... У них там что-то произошло, — сказала она Елизавете Васильевне. — Но он молчит. Я уж и не спрашиваю.

— И вам не стыдно, молодой человек? — Елизавета Васильевна строго смерила взглядом Сергея. Но тут же отвернулась к Анне Дмитриевне. — Ну, конечно же, куда нам! Мы уже рухлядь, мы — «не пойдем».

— А может быть, то, что у нас случилось, — тихо проговорил Сергей, — будет вам неприятно знать?.. Может быть, это разочарует вас, Елизавета Васильевна, в одном вашем бывшем ученике?..

— Что ж... — Елизавета Васильевна стряхнула с папироски пепел. — Начало интересное. Я слушаю.

— Вы не могли бы, — Сергей невесело усмехнулся, — поставить мат Вешкину?

— Нет. — Елизавета Васильевна сказала это очень серьезно. — Он сильный шахматист. Каждый его ход неожидан, логичен. Но причем тут Вешкин?

— Он, к сожалению, и живет неожиданно и логично.

Сергей рассказал о Павле Урусове.

Чай остыл. Елизавета Васильевна с Анной Дмитриевной, учившие Толю Вешкина устному счету, собиравшие для него деньги на валеночки, сидели понурые и погрузневшие, думая, наверное, о том, почему их маленькие выпускники, вырастая, становятся один Вешкиным, другой Векшиным... И почему они помнят, каким был в четвертом классе Толя Вешкин, и совершенно не помнят Юру Векшина.

Судя по обратным адресам коротких записок, приходящих Елизавете Васильевне от участников заочного шахматного турнира, мир велик, необъятен.

Судя по истории, случившейся с Павлом Урусовым и сданной следователем Вешкиным, бывшим учеником Елизаветы Васильевны, в архив под каким-нибудь точным номером, мир однажды сужается, становится тесным, как изолированный пятачок в проходе подстанции.

* * *

На другой день, укладывая в портфель стопки тетрадей, Анна Дмитриевна говорила только что проснувшемуся Сереже:

— В три часа постарайся быть дома. Придет Елизавета Васильевна, будем обедать. Пойдешь на рынок — возьми сетку. Купи на рубль мяса и кочан капусты. Привезут свежий хлеб — купи буханку орловского. Остальное все, кажется, есть. Встанешь, сделаешь себе яичницу, сварить кофе. Ты вчера пришел слишком поздно...

Сережа молчал, ждал концовку.

— Мы тебя ждали, ждали и ушли в кино. Твой билет так и пропал. Я думала, ты уже дома, а тебя нет и нет.

Мать сказала не все. Что-то ей еще хотелось добавить или спросить. Сергей ждал. Елизавета Василь-

евна, естественно, сообщила матери, что видела его с девушкой. Сережа легко представил, как она рассказывала об этом — с иронией, попыхивая папироской, жалея, что не смогла рассмотреть девушку, и допытываясь, знает ли ее Анна Дмитриевна.

— Сережа... — начала мать. — На улице так холодно. Мы шли из кино и насквозь продрогли.

— Ты простудилась?

— Нет-нет. Я не об этом... Мы с Елизаветой Васильевной видели тебя с девушкой. (Она сказала: не Елизавета Васильевна, а мы с Елизаветой Васильевной). Я не знаю, кто она, но думаю, это хорошая девушка. Ты мог бы пригласить ее к нам. Как ее зовут?

— Таня.

— Она тебе нравится?

— Я люблю ее.

Анна Дмитриевна помолчала, потом продолжила:

— Я была бы рада познакомиться с ней. Почему бы тебе не пригласить Таню к нам на обед сегодня? Елизавета Васильевна, конечно, постарается — сварит свой борщ. Помнишь, как он тебе нравился?

— Я, мама, не знаю... Я скажу Тане.

— Поверь мне, в этом нет ничего предосудительного. Я буду рада...

У Анны Дмитриевны выступили слезы, Сергей понял это по голосу.

— Я пойду. Ты запомнил, что нужно купить?

— Запомнил. Я сейчас встану.

Сергею не хотелось вставать так рано: была суббота. Но и лежать он уже не мог: кочан капусты, парадная форма, пульт!.. Бекшин сказал, что прийти нужно к одиннадцати.

Сергей вскочил, нашел по приемнику быструю музыку, начал зарядку. Позавтракав, вышел из дому с авоськой, засунутой в карман короткого светлого плаща.

Погода была прохладная. Дул сильный ветер. Сергею сразу что-то попало в глаз. Но ничто не могло испортить его приподнято радостного настроения. Низко нагнув голову, он быстро миновал скверик перед домом и прошел двором через высокую арку на улицу Metallургов, где был овощной магазин.

А по соседней, улице Космонавтов, крепко прижимая шляпку к голове, упрямо шла в это время Елизавета Васильевна. Она шла на прием к следователю Вешкину. Шла ставить ему «двойку».

* * *

Юрка не любил ездить в автобусе, но он торопился: было без пятнадцати одиннадцать. В одиннадцать все релейщики соберутся и Сережа Лыткин продемонстрирует первый пульт.

Ух, как торопился Юрка! Ведь если он опоздает, Серый может подумать, что он обиделся на него из-за Тани. Юрка и вправду еле сдержался тогда, но это — другое дело. Серый сделал пульт — вот что самое главное на сегодня.

Бабушка вовремя не разбудила его, поскольку сегодня суббота... да что там говорить! Отец, мать и Ленка были страшно удивлены тем, что Юрка, которого обычно без ругани не поднимешь, вдруг забегал по квартире в трусах, на ходу одеваясь в лучшую рубашку, в лучший костюм, и, даже не умывшись, побежал на завод.

Чертыхаясь, Юрка еле дождался на сильном ветру автобуса, запрыгнул в него. Теперь-то он должен успеть!

И тут же услышал голос контролера:

— Ваш билет?

— Нету, — прошептал Юрка.

— Платите штраф рубль. — Женщина-контролер

сказала это громко, на весь автобус. — Раз не хотите ездить по-человечески, за нормальную стоимость, платите рубль. Есть у вас рубль?

— Нету, — прошептал Юрка.

— Поедем в милицию.

Юрка перепугался: ему нельзя в милицию, ему нужно в лабораторию, ведь пульт!..

— А можно, я потом заплачу рубль?

— Когда потом?

— Потом.

Автобус остановился.

— Выходи!

Контролер вышла следом за ним, держа Юрку за рукав. «Ведь чья-то жена, чья-то любимая женщина!» — грустно подумал Юрка. И вдруг решил, что она — жена Вешкина.

— Вот на эту остановку придешь ровно в три. Принесешь рубль.

— Приду.

— Это на первый раз. Еще попадешься — отведу в милицию.

— Ладно.

— Чего ладно?

— Приду.

Контролер зашла обратно в автобус, а Юрка пошел пешком. «Нет, — возразил он себе, — это жена не Вешкина. Она все же поверила мне. А может, она вообще не жена, может, ей тоже не повезло в любви? Жизнь сложна, — размышлял Юрка, — как схема проверки срабатывания реле. Запутаешься, пока соберешь».

Как удивительно ему не везет! Уехать бы куда-нибудь из этого города. Да он и уедет скоро. Далеко-далеко, в «маленький северный гарнизон». Юрка не помнил, где он вычитал эти слова, но они понравились и сейчас вспомнились ему.

«Да, Таня, — подумал Юрка, — я скоро уеду из Бельска, далеко-далеко от тебя, в маленький северный гарнизон, называющийся просто в/ч. Напиши мне письмо, Таня».

Пешком он наверняка опоздает — это очевидно. «Прости меня, Серый, я ненарочно. — Теперь Юрка говорил с Лыткиным. — Просто мне не везет. Всем везет, а мне не везет».

— Привет релейщикам!

Около Юрки затормозил велосипед, на нем сидел Павел.

— Пашка! — крикнул Юрка. — Здравствуй, Пашка! Ты что же — купил велосипед?

— Как видишь?

— Ну ты даешь!

— Садись на багажник. Быстрее!

— Мы ведь успеем?

— Конечно!

И, действительно, они прибыли на место точно к одиннадцати.

Поставив новый, покрытый свежей эмалью велосипед рядом с единственным на стоянке стареньким велосипедом Векшина, Павел и Юрка бегом поднялись в лабораторию. Она оказалась закрытой. В дверях торчала записка: «Идите в подвал».

Услышав их голоса, из соседней комнаты — лаборатории электропривода выглянул парень в синем халате с засученными по локти рукавами.

— Что у вас случилось? Здорóво!

— Здравствуй, Леня. — Урусов пожал ему руку.

— Привет! — торопливо сказал и Юрка. — Ты не слышал, они давно ушли вниз?

— Только что. А что у вас там?

— Хочешь посмотреть наш пульт? — предложил Юрка.

— Какой?

— Какой, какой! Пошли!

Они втроем быстро спустились в подвал, пошли по его длинному плохо освещенному коридору.

— Где пропал? — спросил Урусов.

— Был в отпуске, в Череповце.

— А сегодня почему тут? — удивился Юрка.

— Соскучился. Пришел посмотреть: что да как.

И дело тут одно... Вы работали с замкнутым контуром? Ну, знаете второй закон Кирхгофа?

— Ни первого, ни второго, — ответил Юрка — Вот ты сейчас увидишь наш пульт!..

Свернув направо, они шли теперь вдоль ряда коричневых дверей.

— А, знаете, ребята, релейщики на Череповецком проверяют свои реле вот такими чемоданами, — Леня руками показал объем чемодана. — Открываешь крышку — там панель.

Пашка и Юрка остановились. Леня в халате с развевающимися полами прошел еще несколько шагов вперед и с удивлением тоже остановился.

— Чего вы? Слушайте, это вам вот так нужно пере-нять! Обыкновенный чемодан... А открываешь его — там плексигласовая панель. И в дырочках все ваши амперметры. Здорово, правда? — Леня, все более удивляясь реакции релейщиков, замолчал. — Чего вы?..

Они стояли у двери № 24 — комнаты релейной группы. За дверью жужжало, щелкало, слышались голоса. Нужно было что-то делать.

Нужно было что-то быстро делать, но они не знали — что. Они молча стояли перед Ленией, растерянные, сбитые с толку.

— Слушай, Леня... — Павел положил руку на его плечо. — Ты хороший парень, но... Юра, иди в комнату, иди, Юрка!

Юрка открыл дверь, вошел и плотно закрыл ее за собой.

— Слушай, Ленья... — повторил Павел. — Второй закон Кирхгофа — это о чем?

— Во всяком замкнутом контуре алгебраическая сумма электродвижущей силы равна алгебраической сумме падений напряжений. Не могу понять, что произошло, Пашка?

— Произошло?.. А закон Джоуля-Ленца помнишь?

— Ну?..

— Вот там, за дверью, произошло примерно то же. Пойдем, Ленья, — сейчас ты увидишь это своими глазами.

* * *

Сергей отключил паяльник, откинулся на спинку стула, устало свесив руки. Второй пульт готов.

В подвале было пусто, тихо. Сейчас он немного отдохнет и закурит. Сегодня — пятница, завтра — суббота. Если не будет дождя, можно пойти в лес.

Сергей протянул руку к пульту, включил рычажок. Зеленый огонек зажегся тотчас же. Осталось только прибить тонкий металлический квадратик, опознавательный знак пульта, но он был наверху, в лаборатории.

Сергей выключил пульт, вышел из подвала, взял на вахте ключ от лаборатории и поднялся на второй этаж. Принесенные из гравировальной мастерской опознавательные знаки должны были лежать в столе Векшина.

Навстречу Сергею попался Ленья из электропривода в своем неизменном синем халате с развевающимися полами. Хороший парень Ленья... Он заочно оканчивал институт, в котором учился Сергей. Они подружились в ту субботу, и Сережа Лыткин жалел только о том, что это не произошло раньше, еще в поезде, где они впервые встретились.

В лаборатории, как всегда, было чисто, светло. Тот же огромный голубой занавес на стене, та же герань на белых вытянутых подоконниках. Те же портреты.

С одного из них так же мечтательно смотрел Михаил Васильевич Ломоносов в своем мелко завитом, коротко подстриженном парике.

А вот и ректор Ленц... Медленно отведя назад волосы, Сергей пытливо всмотрелся в его лицо. «О чем мог думать Ленц в тот день, когда узнал об англичанине Джоуле? Какой это был день — вторник, среда, суббота? Как это было?..

Может быть, его тоже ждал дома праздничный обед, сорванный им? Может быть, он тоже ушел потрясенный из лаборатории и долго ходил по самым тихим и грустным местам Петербурга, своим любимым местам? Была ли у Ленца Таня? Знала ли она об этих тихих, грустных местах, где бродил в одиночестве Ленц? Нашла ли она его там? Что говорила ему? Сказала ли главное: «Я хочу идти рядом с тобой».

Сергей подошел к столу Векшина, выдвинул верхний ящик и достал квадратик из жести. На черной лицевой стороне светлели две буквы: БП.

...Они долго думали, как же назвать свой пульт, который они сделали независимо от череповчан, не зная об их пультах.

Векшин взял тогда лист бумаги и стал записывать все предлагавшиеся названия. Остановились на самом скромном: Бельская проверка.

Первый пульт был вручен Надежде и Тане.

* * *

Обогнув длинный корпус нового цеха, строившегося на заводской окраине, Сергей вышел к пыльному перекрестку.

Ждать пришлось недолго: первый же самосвал забрал его.

Проехав по окружной дороге до указателя, от которого уходили в поле длинные мостки, Сергей выскочил

из кабины и пошел по ним, глядя под ноги, чтобы не запнуться о доски.

Поле было голым и чистым, по нему гулял ветер, гудела высоковольтная линия. Постепенно там, где небо сливается с землей, вырисовался домик, и теперь Сергей все убыстрял и убыстрял шаг и, наконец, победил, резко работая руками.

Домик, вырастая, превратился в правильный куб из светлого кирпича с подведенными к нему тремя металлическими полозьями, по которым лился, пульсируя, ток напряжением выше тысячи вольт. Это была самая дальняя распределительная подстанция номер 9, где сегодня работала Таня.

Отдышавшись, Сергей с силой налег на толстую темно-коричневую дверь с белым черепом, перерезанным красным зигзагом. Она со скрипом открылась, и он вошел внутрь помещения.

Здесь было холодно и пахло озоном. Проход, начинавшийся прямо от входа, был темен, но Сергей помнил: здесь их три.

Во втором тоже было темно, из третьего шел слабый свет. Сергей прислушался. Казалось, там никого нет. Не щелкал пульт, не жужжал электросекундомер. Было совсем тихо.

Он вступил в полосу света. В глубине прохода перед раскрытым пультом с тянувшимися от него вверх, в ячейку, зелеными и желтыми проводами на перевернутом мегометре сидела Таня, обхватив колени руками и положив на них голову.

Она смотрела в сторону Сергея, но еще не видела его. Потом, заметив, что кто-то приближается к ней, резко натянула на колени юбку и, не давая себе отчета, принялась отвинчивать от включенного пульта зеленые провода. Раздался сухой треск. От клемм взле-

тел сноп искр. Таня, ойкнув, отшатнулась, закрыв лицо руками.

— Выключи, выключи! — закричал Сергей.

Таня щелкнула рычажком. Подбежавший Сергей подхватил ее, повернул лицо к лампе.

— Открой глаза!

Искры пролетели стороной, ожогов нигде не было. Сергей провел ладонью по Таниным волосам, щекам, подбородку.

Подстанция гудела низко, угрюмо. В ее переключателях, похожих на красные топоры, в черной глубине клетей, обитых решетками, в синих мигающих вспышках таилась угроза. Сергей крепко обнял Таню, прижался губами к ее испуганному виску.

...Надежда Борисовна, появившаяся в проходе, остановилась, пораженная: ее помощница Танечка... целовалась с Лыткиным. И где целовалась!

Это... Это было так... Одним словом, это взволновало ее.

* * *

Юрка спустился в подвал. Включил свет, выключил. Включил, выключил, задумавшись: «Вот группа! Все с приветом. Митин — с этим ясно. Пашка — хотел сбежать, Серый — изобретатель, а изобретательство — это полный привет, Надежда с Таней... У них или сгорит реостат, или Надежда забудет молоко на подстанции».

Да, так и получается: он в группе — один нормальный человек. И вот он-то и отбывает в далекий заснеженный гарнизон.

Правда, Пашка сказал, что те, кто пишут регулярно стихи, — все до одного с приветом. Но, во-первых, он пишет стихи не регулярно. Во-вторых, он не умеет, а только хочет писать стихи. И, в-третьих, Ломоносов, выходит, тоже был с приветом? Читал же ему Лыткин

стихотворение Ломоносова: «Кузнечик дорогой, коль много ты блажен...»

Юрка вспомнил тот вечер, когда они шли с Серым пешком от завода до города, потом долго ходили по новым его районам, сидели на берегу реки. О чем говорил Серый?..

«Ты идешь по родному городу. Здесь прошло твое детство. Пусть он, маленький или большой, темный или залитый светом, везет тебе в этом городе или нет, — он твой.

Когда ты уедешь и будешь от него далеко-далеко, он будет тебе сниться. Ты увидишь во сне улицу имени Поля Робсона, и эту колонку, увидишь знакомые лица.

Не думай, что ты не сможешь без своего городка, а он без тебя сможет. Нет, без тебя, именно без тебя, этому городу будет чего-то не хватать».

Серый так и сказал и добавил: «Ты помни об этом, Юра».

А о чем они говорили, думали, спорили с Пашкой, Таней, Векшиным, Митиным и Надеждой? Пусть будут они все со своими приветами, — он, Юрка, любит их, этих людей.

Пусть по улицам Бельска ходит много Векшиных и ни одного Вешкина. Пусть Бельск станет городом, в котором у каждого его жителя будет по маленькому привету.

А если с Таней, Векшиным, Надеждой, Митиным, Пашкой или Серым случится беда? Или если она случится с ним, с Юркой?

Если я попаду в беду,
Первым, кто услышит об этом,
Кто протянет мне руку,
Кто поможет мне встать, —
Будешь ты.
Я хочу, чтоб и ты,
Если вдруг попадешь в беду,

Первым позвал
Меня.
Я хочу, чтобы ты
Подошел и сказал:
«Я хочу идти рядом с тобой».

Вот так и родилось это Юркино стихотворение, которое он прочитал четвертому классу девятой школы, куда группу релейщиков пригласили на встречу. За это классный руководитель — Юрка потом узнал, что зовут ее Елизаветой Васильевной, — подарила Юрке шахматы и сказала, что будет играть с ним заочно, когда его призовут в армию. Она сказала: «Когда вас призовут в ряды нашей славной армии, Юра.»

А потом Векшин от имени группы релейной защиты крепко пожал ему руку. И Таня поцеловала его крепко — при всех.

* * *

Лето прошло, наступил сентябрь. Павел Урусов написал по письму отцу и матери, сообщил, что он жив и здоров, работает в ЭТЛ, в группе релейной защиты, и что Петрович умер.

Юрка служил в армии, служил действительно далеко от Бельска, на Крайнем Севере — в ракетном дивизионе, называвшемся просто в/ч.

Анна Дмитриевна в этом году готовила выпуск, Елизавета Васильевна набрала новый класс, и Векшин предложил группе взять над ее классом шефство.

Шел сентябрь, но Сергей Лыткин был по-прежнему тут, в Бельске, а не в Ленинграде: он перевелся на заочное отделение.

Лето прошло, но Лыткин так и не загорел: некогда было. Жалел ли он об этом? Да, конечно. Но ведь в его жизни будет еще не одно лето. Будет и солнце. Зато в этом году он сделал три пульты БП.

Релейщики теперь работали так: Надежда Бори-

совна с Таней, Векшин с Урусовым, Митин и Лыткин (Сергея по ходатайству Векшина приказом начальника ЭТЛ перевели на инженерную должность) работали с двумя новенькими в их группе, выпускниками ГПТУ Колей и Геной. И хотя они пришли в группу недавно и их еще знали мало, но Векшин сказал: по-моему, неплохие ребята.

СОДЕРЖАНИЕ

Родина. Этюд.	5
Бедная Лиза	8
Перестаньте стучать!	16
Выпадет снег	21
Я хочу идти рядом с тобой. Повесть.	31

Кучмида Николай Павлович
ВЫПАДЕТ СНЕГ

Редактор В. К. Лиханова
Оформление Э. В. Фролова
Художественный редактор В. С. Вежливцев
Технический редактор Н. Б. Буйновская
Корректор В. И. Пригодина

Сдано в набор 2. 4. 1974 г. Подписано к печати 3. 6. 1974 г.
Форм. бум. 70×108/32. (бумага тип. № 3). Физ. печ. л. 2,5.
Усл. печ. л. 3,5. Уч.-изд. л. 3,193. Тир. 15 000. ГЕ01784. Зак. 2164.
Цена 10 коп.

Вологодское отделение
Северо-Западного книжного издательства,
Вологда, ул. Урицкого, 2.
Областная типография, г. Вологда, ул. Калинина, 3.